КРОКОДИЛ

Терпят бедствие...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

— Смотри, не свались!

— Не волнуйся, доеду в целости...

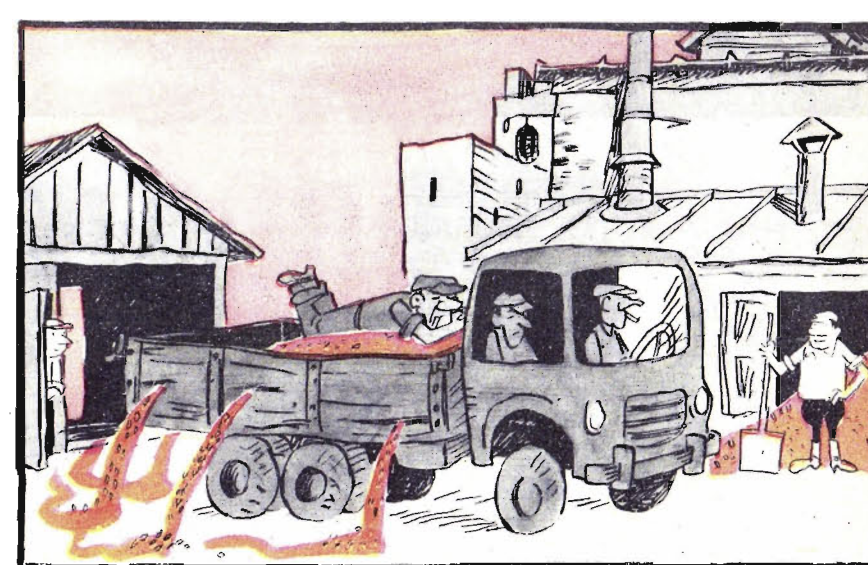

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

НА ЧЕМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ?

Хочу рассказать тебе, дорогой Крокодил, совсем неинтересную историю о том, как я на сегодняшний день остался без телевизора.

В общем, собрали мы с женой малость деньжат, чтобы купить телевизор в кредит. Пошел я в совхозную контору, взял там справку о зарплате, потом — в отдел кадров, за справкой с места работы. А там говорят: нет, сначала, говорят, надо в сельпо заполнить бланк, а потом уже и приходи к нам.

Ладно, пошел в сельпо. Тем более оно рядом.

Прихожу, а там как раз, на счастье, сам председатель сельпо товарищ Валуйский. И как раз он в это время сельповцам мораль читает.

— Мы,— говорит,— должны всеми силами стремиться к удовлетворению культурно-бытовых запросов тружеников села...

А тут я.

— А ты тут чего? — спрашивает товарищ Валуйский.— У нас важное мероприятие, а ты без стука.

— Да мне мигом,— говорю.— Телевизор в кредит оформить.

— Телевизор — это вещь,— задумчиво говорит товарищ Валуйский и смотрит на меня попристальнее.— Но лично я лично вас, граждаиин, не знаю.

— Откуда же вам всех знать? — соглашаюсь я.— Но вот тут все мои документы, кто я есть.

— Документы — это не вещь,— возражает товарищ Валуйский.— Сегодня он нам документы сует, а завтра ищи его, свищи вместе с телевизором. Бывали у нас такие эпизоды, хватит.

— Как же быть в таком положении,— спрашиваю,— когда вы всех, стало быть, под жуликов бреете?

— А так,— отвечает он,— что сперва все о тебе разузнаю и выясню, а уж потом подумаю. И не мешай за ради бога проводить важное мероприятие. Ясно?

— Ясно,— говорю.— Продолжайте за ради бога мероприятие.

И ушел.

И, уходя, слышал продолжение речи товарища Валуйского:

— Так на чем мы остановились? Да, на том, что культурно-бытовые запросы тружеников села надо удовлетворять целиком и полностью...

И хорошо говорил. Звучно!

Н. ТИМОФЕЕВ,
чабан откормсовхоза «Семичный», Ростовской области.

Нашла коса...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Между нами...

Дорогой Крокодил!

Ответь мне по секрету: чем ты вилы точишь? В нашем Мещерском крае очень много приходится косить травы вручную. А косу поточить нечем — хоть криком кричи. Мне вот 78 лет, а я что-то и не припомню, когда в иашем Палищенском сельпо продавались бруски. А вещь эта очень нужная в крестьянском обиходе. Особенно сейчас — сенокос же в разгаре!

И. СМИРНОВ, колхозник
деревни Спудни, Гусь-Хрустального района, Владимирской области.

Уважаемый Иван Мартьянович!

Отвечаю по секрету: бруска у меня тоже нет. Точу вилы о чужие бока. В данном случае попробую навестить с этой целью руководителей Владимирского облпотребсоюза. Только это, коиечно, между нами!

КРОКОДИЛ

ВОТ И ЖДЕМ...

Извини, дорогой Крокодил, за настырность. Мы ждем обещанного всего только второй год, так что срок нашему ожиданию по пословице еще не вышел.

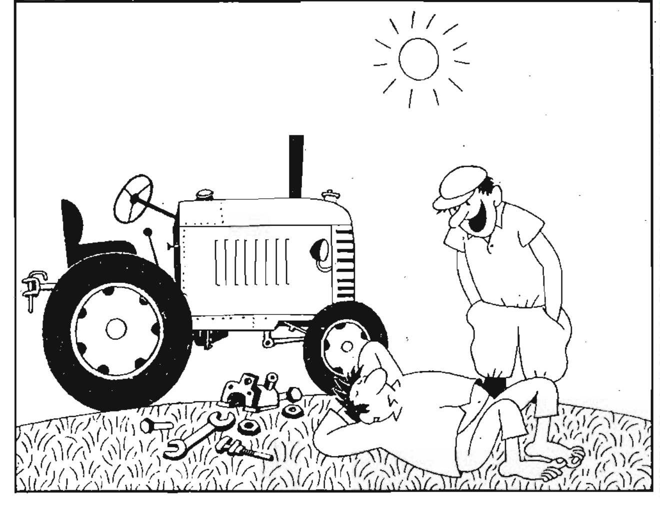
Но что поделаешь — уборка! Каждая автомашина сейчас дорога, а наша «ГАЗ-51», бортовая, вот уже вторую страду в холодочке стоит на приколе. Вообще-то основная должность у нее — развозить фильмы по селам. Но в уборку, сам понимаешь, даже и не на таких зерно возят.

Она же бездельничает по причине отсутствия коробки передач и заднего моста. Эти детали мы еще весной прошлого года сдали в Инсарское отделение «Сельхозтехники». Оттуда их переправили на какой-то авторемонтный завод. С тех пор только одно и слышим: ждите!

А сколько ждать — не уточняют...

В. ЦЫГАНОВ,
директор Инсарской районной киносети
Мордовская АССР.

В ДВЕ СМЕНЫ

— Вставай, смена пришла!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Золотой шлейф

Время было хлебное.

Дело спешное: пензенский урожай запросился в амбар. И какой урожай! Свыше 20 центнеров с гектара на круг по области.

На полевых станах и токах запестрели широкоформатные обещания:

«Уберем урожай в кратчайший срок!»

«Не допустим потери!»

«От комбайна к элеватору —
до единого зернышка!»

И страда пошла. А с ней от комбайна к элеватору потопал и областной непоседа петух, получая неограниченную добавку зерна к твердому хозяйскому харчу.

Кому должен непоседа пропеть благодарное «Ку-ка-ре-ку!»?

Прежде всего изготовителям уборочной техники.

Двадцать восемь дыр в новеньком комбайне требуют мешковин для затычки. Мне их демонстрировал комбайнер совхоза «Кевденский» Анатолнй Журавлев, поминая завод «Ростсельмаш» незлым тихим словом. А без затычек убирать хлеб таким комбайном все равно, что носить воду в решете: полтора-два центнера вытекает обратно на каждом гектаре!

Затем непоседа должен благодарить руководителей отдельных хозяйств. Например, совхоза «Чапаевский», Колышлейского района.

На диво подготовил совхоз к уборке технику. По крайней мере четверть зерна в первый день страды осталась в поле по причине отсутствия у комбайнов этих самых затычек. А также по другим техническим причинам.

Но вот зерно в машине. Теперь-то уж его довезут на ток «до единого зернышка»...

При мне нагрузился и повез урожай от комбайна шофер совхоза «Мочалейский» (Каменский район) И. Тактаров. Повез без брезента. Лихо повез, с ветерком. Агроном А. Тактаров смахнул рукавом с лица трудовой пот и проводил машину победным взглядом.

Пензенские же дороги, надо заметить, с норовом: сколько решений вынесено о том, чтобы они подготовились к уборке, а дороги по-прежнему — ухаб на ухабе! Машина прыгает по тем ухабам, будто мячик. А ветерок — будь здоров! В общем, стелился за машиной золотой шлейф нового урожая.

Спросят: а где же руководство? Куда оно смотрит?

Руководство на месте.

Ехали мы за машиной Тактарова, а навстречу ему на «газике» ехали главный агроном совхоза Камиль Тактасов и парторг Назыф Тактаров.

Мы остановили обе машины.

— Что же это вы так беззаботно зерно возите? — спросили мы.

Руководство смущенно заулыбалось.

— Конечно, надо бы брезентом прикрыть.

Брезент нашелся. У шофера под сиденьем. Пока он его натягивал, руководство заверяло нас, что с другими машинами такого не случается.

Но, увы, на току наблюдалась картина такой же безмятежности.

Вот поставил машину с зерном на весы ярославский шофер Дмитрий Бычков. Весовщица Рая Мамлеева отметила вес и отпустила машину без брезента. Заведующий током Шамиль Бикяшев ее не остановил.

— Давай жми! — только и крикнул шоферу Шамиль Бикяшев.

И ярославский шофер Дмитрий Бычков, приехавший на подмогу совхозу, нажал на скорость. Ох, как летела машина! С ветерком. И стелился за нею шлейф теперь уже на дороге от тока до элеватора.

Но и попав на элеватор, зерно не застраховано от потерь. Тут свою посильную лепту вносят железнодорожники.

Вагоны для отгрузки урожая подают на хлебоприемные пункты без щитов, и потому значительная часть зерна летит при загрузке мимо.

А какие подают вагоны!

Во-первых, худые, словно дуршлаг. В отдельные щели не только зернышко — буханка проскочит. Стало быть, не заткни их хлебоприемщики, не законопать — и урожай расстелется еще и по железной дороге.

Затыкание же, понятно, требует времени, то есть непозволительного простоя вагонов, за что железнодорожники, как известно, штрафуют.

Во-вторых, вагоны подаются подчас грязными. Значит, опять же надо их мыть. Отсюда, конечно, снова простой. А вагонов под урожай, прошу заметить, подают крайне недостаточно. И потому ритмичности в работе хлебоприемных пунктов, конечно, нет.

— Представляете,— с огромным удручением показал мне условия приема урожая Николай Федорович Карпухин, директор Каменского хлебоприемного пункта,— сколько приходится терять зерна, труда, времени и нервов?

Я представил.

Картина получалась впечатляющая.

...Идет и ширится страда. Все, решительно все — за высокий урожай. Все, категорически все — против потерь. Кругом пестрят широкоформатные пламенные обещания:

«Уберем урожай в кратчайший срок!»

«Не допустим потерь!»

«От комбайна к элеватору — до единого зернышка!»

А между тем золотые шлейфы тянутся от комбайна до тока, от тока к элеватору и далее по железной дороге.

И петух-непоседа с раздутым зобом не в состоянии уже пропеть расточителям свое благодарное «Ку-ка-ре-ку!».

Объелся...

Пензенская область.

— Эй, товарищ, вы не заготовитель?

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Эр. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент Крокодила

Вот эта улица — Депутатская, а вот этот дом — № 20.

Сейчас я увижу Ее...

А с чего все началось?

Честно — я человек скромный. Не нахал. Даже поэт в душе. Не бегаю за девушками с криками, мол, я их где-то видел. Чего нет, того нет.

А тут... Шел я тихо-мирно по одной костромской улице, и упало вдруг на меня немного стройматериала. Девушка-строитель с лесов уронила. Ненарочно. Она извинилась, а я как глянул в Ее глаза, сразу явственно ощутил нежный аромат ландышей и роз, в ушах зазвучала мелодия И. О. Дунаевского «Голубой вечер»...

Вот так и познакомились. Уговорились назавтра встретиться. А назавтра была суббота.

— Заходите,— сказала Она,— за мной в наше общежитие.

Но где же вывеска? Не успел я спросить, где живут девчата из треста «Костромастрой», вижу: на втором этаже в освещенном окне, как в раме, мужская фигура. Некто в плаще и кепочке стоит на подоконнике и, высунувшись в форточку, покуривает. Такой, видите ли, интеллигент, не хочет в комнате дымить.

Еще какие-то ребята призывно свистят в четыре пальца сразу.

А вот и Она. И Ее соседки. Нарядные по-субботнему. Подкрашенные: одни — слегка, другие — очень.

— Хорошо у вас,— завязываю я беседу.— Целиком подъезд занимаете, пять этажей. Дом новый. В двух-, трехкомнатных квартирах живете. С удобствами! Вот не пойму только, отчего много стекол повыбито и там и сям видны следы как бы каких баталий...

В этот момент гуськом входят гости. Трое. Не снявши шапок. В их глазах — немой вопрос: «Это что еще за фигура?» Я то есть. Самый пьяный, как я после узнал,— Костя Кораблев, комсомолец с фанерного комбината, пытается что-то сказать. Горячо лопочет, и я улавливаю: «Пш-шел... отсю...»

Но Она шепчет мне:

— Не связывайтесь. Вон тот — Вовка Соловьев — за грабежи сидел...

— Ах,— улыбаюсь я вполне светски,— какие пустяки!

Сам же в душе ясно понимаю: назревает коллизия. Вспоминаю с долей тоски, что дрался последний раз в пятом классе, с Нелькой Шоричевой. И не победил.

Однако входит еще гость. Симпатичный такой товарищ. Те трое как-то сразу добреют с лица.

— А, здрасьте! — приветствует троицу, как знакомых, участковый уполномоченный милиции Теплухин, а это именно он.— Опять вы тут?

— Я ничего такого, гражданин начальник,— рапортует Соловьев,— я за Кораблевым, домой его отволочь.

— И я ничего,— смеется семнадцатилетний Сережа Кудрявцев с фабрики «10 Октябрь», весельчак, рот до ушей.— Ну, выпил на улице. Один парень супу вынес — закусили. Девчонка у меня тут, Нинка...

— Ты бы к маме, а? — вставляю я как можно теплее.

— Не-е, мамка заругает. Я же выпимши.

Кораблев тоже что-то говорит, но вот что?

— Со всего города тянутся сюда... всякие такие...— подводит итог дискуссии Теплухин.

Как трезвый трезвому, он мне еще кое-что потом рассказал. В гости юноши не «под мухой» обычно не приходят. Таков здешний этикет. Дерутся. Ломятся в комнаты. Грозятся. Порой вещи умыкают. Отсюда битые стекла и вообще разор. Правда, иные обитательницы встречают вот таких лохматых, небритых и грубых кавалеров восторженно: «Мальчики пришли!»

В это время за окном произошел свистящий шум. Кто-то лихо ехал вниз по водосточной трубе. Видно, прознал про визит милиционера.

В общежитии поселены девушки 17—18 лет, только что получившие профессию. Приехали недавно из деревни. Жизненного опыта, понятно, никакого. Их научили держать кисть и мастерок, а в остальном предоставили самим себе. Девушки самостийно перенимают прежде всего внешние городские навыки и привычки, и далеко не самые лучшие.

Звучит ли в этих стенах добрый совет старшего? Нет. Воспитатель по штату не положен. Впрочем, есть вахтер. Я пообщался и с вахтером.

— А чего,— жалобно причитала тетя Капа,— я с ними изделаю? Замок вот сорвали. Оттолкнут меня и идут себе. Хоть за полночь...

В номинальном красном уголке сушилось коечто вахтерское. В углу утробно урчало детище зари телевидения. По экрану бежали туманные полосы. Любоваться ими можно было лишь стоя или сидя на полу.

— А что же трест «Костромастрой»? Не забыл ли он вовсе про это общежитие? — спросил я.

— Если и пробовал забыть, то мы напоминали,— отозвался участковый Теплухин.— Сообщали туда о здешних порядочках.

— Ну и?..

— Замуправляющего по кадрам и быту Никитин считает, что милиция-де сгущает краски. И вообще, по его мнению, тут все идет, как надо. А ребят, дескать, можно запросто и не пускать...

— Никитин собирается по-новому все сделать,— вмешались девушки,— пропускать только наших ближайших родственников...

Я подумал: не иначе, как определять степень родства будет опять-таки вахтер. Кто ж еще? Вот только как тетя Капа справится со столь деликатной задачей?

Хоть мои лирические чувства изрядно потускнели от увиденного, я галантно сказал Ей:

— Давайте отправимся под субботние звезды. Найдем что-нибудь интересное.

Она улыбнулась, вздохнув:

— А что искать-то? В клубе «Красный ткач» — кино. В клубе имени Веселова — кино. В клубе судоверфи — нет и кино. Он сегодня закрыт. В клубе комбината имени Зворыкина — танцы, но там больше ловят пьяных, чем танцуют. В кафе «Березка» нам не пробиться. Правда, есть одно место...

С трудом пробившись сквозь строй выжидающих ухода Теплухина кавалеров, мы с Ней вышли из общежития и направились к «одному месту». Это был берег Волги.

Великая река настраивала на философский лад. «Что есть общежитие? — размышлял я.— Женский монастырь или что-то совсем иное? Или ни то, ни другое? Но тогда почему там всегда девичий переполох?..»

Ну, а Волга, конечно, сделала свое дело. Я читал Ей самые нежные стихи. Я даже забыл, что Ей придется вернуться в то же общежитие.

Все-таки это хорошо, что в Костроме есть Волга!

г. Кострома.

— Самое главное для спокойного отдыха — закрепить за собой топчан!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Уважаемый Крокодил!

Зашел я недавно в парикмахерскую, что на улице Калинина, сел, как и положено, в кресло и взглянул на себя в зеркало.

И в этот самый миг я понял, как скоротечно время и как незаметно мелькают десятилетия в делах, заботах и домашней суете... Я увидел в зеркале маленького, сухонького уродца с провалившимся ртом и гигантским носом в виде дряблой брюквы.

«Это надо же...— похолодел я.— А ведь, кажется, только вчера девушки наперебой белый вальс танцевать приглашали... Как дальше-то жить? И стоит ли?..»

— В зеркало-то лучше бы не смотреть,— сказал мастер, заметив мое оцепенение.— Лично я как посмотрю, так сразу прическу и испорчу. И как только разрешают такие зеркала выпускать?

И тут я все понял, и это, дорогой Крокодил, было как второе рождение. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность коллективу Калининской мебельной фабрики, благодаря усилиям которого на душе у меня теперь легко и свободно.

Оказывается, ничего пока еще не потеряно, и жизнь продолжается!

Л. СОРНИКОВ
г. Коломна.

БИДОН НА КОСТРЕ

Цену своей родной, кровной копейке мы знаем. Мы не дадим ей укатиться в какую-нибудь щель.

Но, с другой стороны, бывает, что в разные щели запросто укатываются тысячи и миллионы копеек.

В городе Ярославле есть завод «Победа рабочих», который, в частности, вырабатывает краску под скромным названием «Грунт № 138». Этим грунтом красят корабли, автомобили, станки и прочие агрегаты.

Эта краска отправляется потребителю в специальных бидонах, вроде молочных. А пока она доедет до потребителя, в бидонах по законам физики образуется осадок.

Потребитель, который разбросан по всей стране,— сотни предприятий! — получает этот бидон, открывает его и начинает выливать оттуда краску.

Только дудки!

Оно, конечно, килограммов десять, пятнадцать или чуть больше выльется. А в бидоне этой краски 45 килограммов. И остальные килограммы составляют осадок, который выливаться не хочет.

«Ну и сиди там, черт с тобой!» — сердится потребитель и отправляет бидон обратно в Ярославль. Потому что бидон — это тара. А тару надо отдавать, откуда взял.

Но ярославцам тара нужна чистая. И тогда на заводе «Победа рабочих» кидают бидон на костер. И под напором огненной стихии осадок из бидона начинает вылезать: тюх, тюх, тюх...

Таким манером натюхано безвозвратных потерь краски только за 1968 год на 500 тысяч рублей. За 1969 год примерно столько же. И нынешний год не обещает спада.

Но полмиллиона — это не все. Это только цена сгоревшей за год краски. А мы еще должны учесть, что за сгоревшее потребитель уже заплатил денежки поставщику.

И к тому же этот потребитель еще за каждый неочищенный бидон примерно по десятке штрафа должен вынуть да положить.

И мы тут еще не учли стоимости тех бидонов, которые не выдерживают огня на кострах завода «Победа рабочих» и тают в пламени вместе с содержимым.

Вы задаете вопрос: как тут быть? Ответ написан прямо на бидоне с краской: «Перед употреблением взбалтывать!»

Кое-где и взбалтывают.

На заводе имени Лихачева в Москве и на Горьковском автомобильном, например, берут электромоторчик, крепят к нему палку и включают это несложное сооружение в электросеть. Палка в бидоне вибрирует. И нет осадка! Нет потерь, нет штрафов, бидоны целые.

Об этом методе все потребители уже давно информированы.

В чем же дело? Почему остальные не взбалтывают? Вот что отвечает на этот вопрос, например, Черкасский машиностроительный завод:

«Очистку фляг от осадка необходимо производить механическим путем, что на заводе отсутствует...»

Подобные ответы на свою нижайшую просьбу взбалтывать ярославцы получают пачками.

А между прочим, у нас в стране не одно предприятие изготавливает краску, склонную к осадке. И что это будет за цифра, если взять да подсчитать... М-да!

Почему же в поисках своей кровной копейки мы, не жалея штанов и солидности, ползаем иногда на четвереньках, а в интересах сбережения государственных тысяч не можем взболтнуть какой-то несчастный бидон с краской?

А. ПОРТЕР

г. Ярославль.

— Кровельщики, как дела?
— Кроем помаленьку...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Г. МАРЧИК

ХРАБРЫЙ ЗАЯЦ

Хорошо прыгал один зайчишка. И за эти особые прыгучие качества его определили в цирк.

Как известно, каждый растет на своей работе. Рос в лучах славы и наш заяц. С каждым днем прыгал все лучше и лучше. Заметили и это. Поощрили, присвоили звание заслуженного. На радостях заяц освоил еще один номер — стал балансировать на проволоке. Потом научился даже танцевать на проволоке чарльстон.

Ай да заяц! Талант! Назначили его директором цирка. Пусть прыгает. Поднимает цирк.

Стал заяц поднимать цирк. Но с первых же шагов столкнулся с неожиданностью. Оказалось, надо самостоятельно принимать разные решения. А как их принимать — один бог знает.

Пришел к нему, например, лев. Хочу, говорит, доверительно посоветоваться.

— Ты не будешь возражать,— начал лев задумчивым голосом,— если я ее откушу?

— Кого? — встрепенулся зайчишка.

— Да голову дрессировщика Пашки. Сует, понимаешь, каждый раз в мою пасть свою голову. Да еще, сукин сын, мажет ее бриллиантином. А зачем она ему? Что с головой дурак, что без нее.

— Пааазвольте! — опешил заяц.— Хотите откусить голову? А стоит ли? Поймите меня правильно: лично я, конечно, не возражаю. Но, сами понимаете, общественность... Поднимется шум. А потом еще притянут вас за эту голову, как за порчу казенного имущества...

— Списали бы за непригодностью, и делу конец,— проворчал лев.

А то приползла гадюка. Едва ее отвратительная морда показалась из-за двери, как зайчишка сиганул вверх и оказался на абажуре.

— Ха-ха-ха,—зашелестела змея тихим смехом.— Не волнуйтесь, пожалуйста. У меня ведь только шкура змеиная. Я добрая...

Спустился он с замиранием сердца, отряхнулся, принял руководящую позу. И стала она нашептывать. Гусь-де не поддерживает линию руководства. Пудель завел шашни с ежихой. Тот-то, этот се...

Взять бы зайцу и выгнать сплетницу. Но побоялся: а как самого укусит? Поблагодарил и даже, содрогаясь, поцеловал ее в холодную чешуйчатую шкуру.

«Черт его знает, что за работа,— думал заяц с тоской.— Каждый день ставит перед тобой какие-то неразрешимые задачи. Того и гляди, попадешь впросак. Скажешь «да» — не угодишь одним, скажешь «нет» — другим. Выкручивайся, как знаешь».

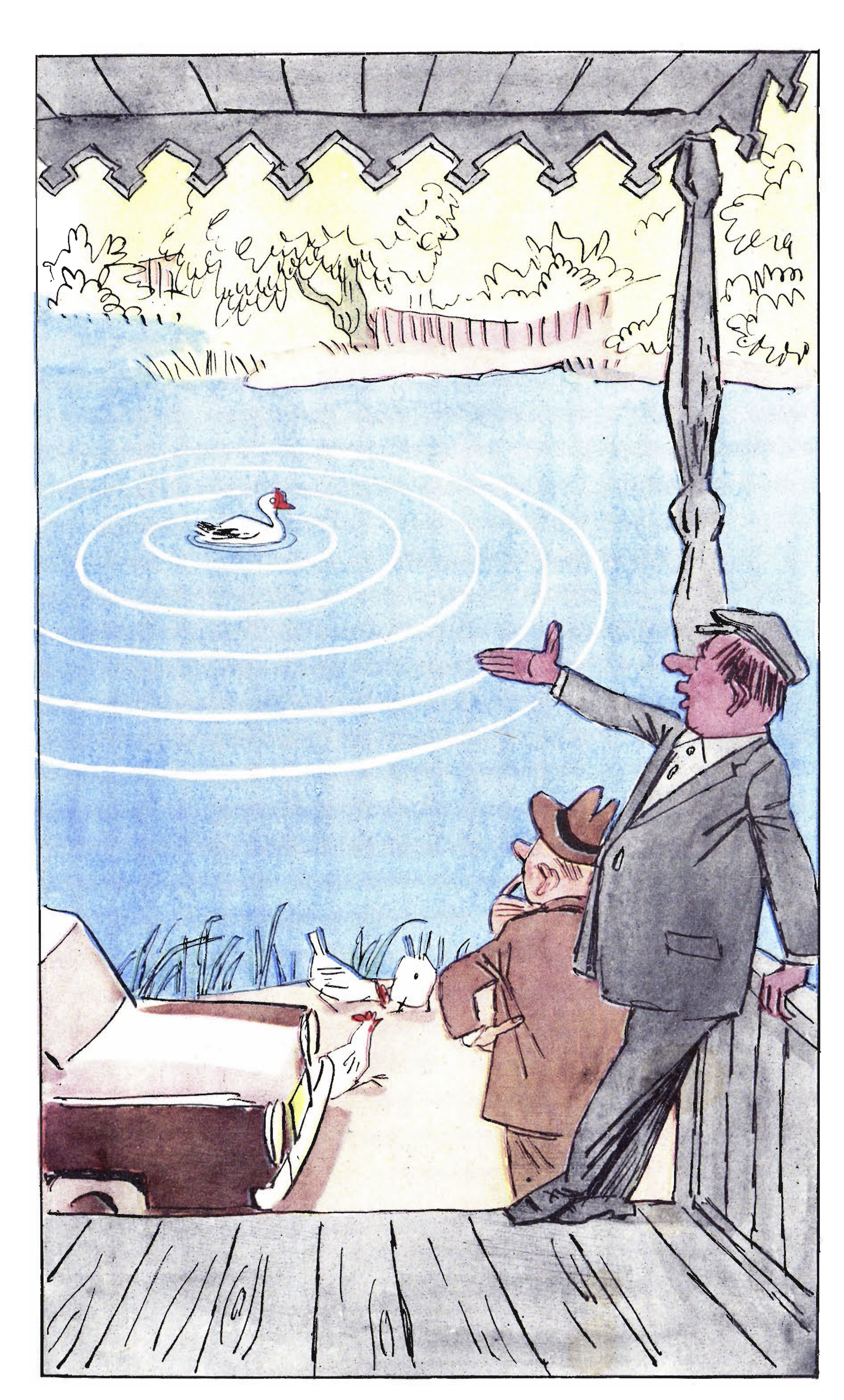
Давеча прибежал осветитель.

— После гимнастов,— кричит,— свет давать или убирать полностью?

Зайчишка остолбенел. А кто его знает — давать или не давать?

Но все-таки приспособился к руководящей жизни зайчишка. Протянул по своему кабинету туго натянутую проволоку, и, если придет настырный посетитель, который требует немедленно решить вопрос, заяц вспрыгнет на проволоку и демонстрирует свой любимый номер-баланс. В одной лапке у него веер с надписью «Да», в другой — с надписью «Нет».

Вот и угадай, что он хочет сказать: «да» или «нет»?

— Как это мы не уделяем внимания водоплавающим? Вон весь водоем в его распоряжении!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Ошибка подобна утопленнику: все равно всплывет на поверхность.

Вот уже и молоко превратилось в порошок!

Вращается наша планета бесшумно, а шума на ней хоть отбавляй.

Когда ребенок начинает говорить, он учит родителей лепетать.

Корова не подозревает, что из ее молока получают сливки.

Марона АРСАНИС

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

Конкурс

Молодые работницы цеха неоднократно жаловались мне на мастеров, которые в их присутствии грубо выражались. Выкроив свободную минутку, я решил одним махом навести в цеху порядок по части изящной словесности и пригласил в свой кабинет мастера Холкина — наиболее рьяного любителя матерщины.

— У меня есть для вас заманчивое предложение,— начал я.— Скоро за границей будет проходить международный конкурс сквернословов. Треугольник цеха думает послать вас.

Холкин оживился и охотно подсел к моему столу.

— Мы хорошо знаем вас как виртуоза крепких словечек и сочных выражений. Надеемся, не подведете!

— И призы будут? — заинтересовался мастер.

— Обязательно,— подтвердил я.— Уверен, что вы сорвете первый приз!

Холкин покачал головой. Видимо, он сомневался в своих силах.

— Конкуренция будет сильная, но, я думаю, вы справитесь,— подбодрил я.— Французы для вас не опасны, так как половина их ругательств заимствована из русского языка. Итальянцы бранятся слишком литературно — они тоже не в счет. Люксембург своей национальной ругани не имеет и вряд ли пошлет своего представителя.

— Англичане участвуют в конкурсе? — полюбопытствовал мастер.

— Англичане — хозяева соревнований,— пояснил я.— Соперник важный и трудный. Ругаться они будут у себя дома, где и стены помогают. Учтите это, потренируйтесь — и с богом!

— Справлюсь ли? Ответственность ведь большая! — засомневался Холкин.

— Главное — не волноваться! Представьте, что вы бранитесь не перед чопорной иностранной публикой, а в родном цеху перед работницами. Побольше непечатных слов, поменьше цензурных выражений — и выигрыш обеспечен!

— А если я проиграю? — забеспокоился мастер.

— Тогда наши газеты напишут, что Холкин не оправдал надежд. Будут критиковать.

Нос мастера побледнел, на щеках выступили ржавые пятна.

— Значит, газеты всем расскажут о моей дурной славе сквернослова? — растерялся он.

— Всем! — радостно подтвердил я.— И жене и родственникам.

Похоже, совесть у Холкина дала ростки. Я повеселел.

— Жена и родственники, правда, привыкли к моим выражениям,— размышлял мастер,— а вот за сына боюсь. Я с его учительницей всегда культурно беседую.

Я не прерывал его, предчувствуя, что у Холкина вот-вот наступит момент раскаяния и он побежит записываться в народный университет культуры или в литобъединение.

— А если я выиграю? — воспрянул мастер.

— Тогда газеты размножат ваш портрет и будут чествовать, как первого сквернослова Европы. А после накажут.

— Как накажут? — удивился Холкин.

— Наверное, отдадут под суд за сквернословие в международном масштабе.

Холкин полутрезвым шагом вышел из кабинета, забыв затворить дверь.

— Передайте всем мастерам,— крикнул я вдогонку,— что кандидатуры на конкурс будут утверждать молодые работницы цеха!

«ЕЛКИ-ПАЛКИ»

Выговор

Мне объявили выговор.

— После работы зайдите к директору,— предупредили меня.

В приемной директора толпилась большая очередь.

— Я по вызову,— сказал я и хотел войти, но стоящий у двери сотрудник Жвачкин преградил мне дорогу.

— Куда?

— За выговором.

— Становитесь в очередь! — отрезал Жвачкин.— Все за выговорами.

«Хорошенькое дело,— подумал я.— В полседьмого мне надо быть в магазине, отметить свою очередь за холодильником, а то вообще вычеркнуть могут, а тут на тебе — за выговором стоять».

— А как его дают-то, выговор? — спросил я у стоявшего последним Сиюминутова.

— Обыкновенно...— ответил Сиюминутов.— Могут дать строгача, с предупреждением, просто выговор, порицание, поставить на вид...

Тогда я разбушевался.

— Что это такое! — закричал я.— Поставить на вид... Мне вот холодильник надо поставить... Я заслужил выговор — извольте дать мне его немедленно! Да мне в полседьмого...

— Тише! — зашикала на меня очередь.

А Сиюминутов сказал:

— Только не волнуйтесь, а то, чего доброго, директор услышит. Если хотите, я вас пропущу. Я не тороплюсь.

Другие тоже не очень торопились и со словами «Ему нужен холодильник» за руки подвели меня к дверям кабинета.

После трехминутного разноса директор сказал:

— Объявляю вам строгий выговор! Можете идти!

Я вышел из кабинета. Лица сотрудников потеплели при моем появлении.

— Ну как? — спросил Жвачкин.

— Строгий,— весело ответил я и, насвистывая, отправился в магазин отметить очередь за холодильником.

«ПАРАГРАФ»

Прочная связь

В понедельник наш культорг на ходу мне шепнул:

— После работы задержись на минуту.

Дома меня ожидало позарезное дело: нужно было писать контрольную работу. Мне уже указали в институте: еще одна несвоевременная сдача контрольной — и меня вышибут. Я намекнул культоргу.

— Отстоим! — твердо сказал культорг.— Только не теряй связь с коллективом. Мы решили торжественно отметить пятидесятилетие нашего уважаемого экономиста. Ты против него что-нибудь имеешь?

Против нашего уважаемого экономиста, допустим, я кое-что имел. Но ни в коем случае не был против коллектива.

И я задержался.

Экономиста осыпали цветами в количестве четырех роз и подарили ему матрешку.

Затем экономист с широкой улыбкой достал четыре пакета.

— Чем бог послал...— сказал он.

Бог ему послал коньяк и апельсины.

Домой я вернулся в двенадцатом часу ночи, потеряв по дороге брючный обшлаг.

Во вторник культорг подошел ко мне:

— Учти, сегодня мы провожаем на пенсию уважаемого главбуха!

Вчера меня за поздние приходы пилила жена и сказала, чтобы сегодня я был тик в тик: мы пойдем в кино.

Я честно признался культоргу.

— Нехорошо противопоставлять себя коллективу,— сказал он с такой укоризной, что мне стало неловко.

И я не стал противопоставлять.

Главному бухгалтеру вынесли трехгвоздичный букет и ваньку-встаньку. Потом он выставил угощение: соленые огурчики и домашнюю кизиловку, от которой, правда, несло первачом.

Домой я пришел за полночь.

В среду культорг остановился у моего рабочего места.

— Сегодня у нас событие,— сказал он.— Уважаемый техник родил третьего сына.

Я встал на колени. Сегодня ко мне приезжает друг детства, я не виделся с ним восемь лет.

— Ничего,— ободрил культорг,— столько не виделся — день подождет. На коллектив, что ли, плюнешь?

Технику дали стадионную трещотку — для сына. Техник двинул на стол пять бутылок «Отборной».

Встреча с другом совсем провалилась.

В четверг возвратился из санатория наш уважаемый начальник. Было много портвейна, рубли мы объединяли пять раз.

Чтобы не отрываться от коллектива, я пропустил занятие в секции гиревиков.

В пятницу наш уважаемый заместитель начальника отправился в отпуск, пили мы что-то желтое, импортное.

В субботу мы собирали металлолом и потом все вместе отметили это мероприятие.

От коллектива я не хотел отрываться. Но меня отчислили из института, со мной расторглась жена, друг детства со мной порвал, гиревики меня оттолкнули.

...На днях я зашел в гастроном, нашел двух партнеров, взяли «Отборной». А так как горе мое было огромно, я заходил кряду несколько раз.

Кончил я в вытрезвителе.

На собрании, где разбирали мое недостойное поведение, взял слово культорг:

— Он достукался до вытрезвителя, но виноват в этом сам: я же предупреждал его, чтобы не отрывался от коллектива!..

«КОЛЛЕКТИВИСТ»

Ремень

Тетка Лукерья, которая ездила на городской базар продавать поросят, привезла старому Салазкину радостную весть.

— Люди бают,— говорила она,— Васька твой шишкой стал. Уж такой шишкой!.. Бают: ему, окромя жилья, еще и кабинет даден!

Эта новость заставила старого заняться воспоминаниями.

— Мишка у меня гостевал, Ванька бывал, Гришка заезжал, Варька навещала. А Васька...

Получалось, что Васька давно уж не хлебал щей под родительской крышей.

— Поеду,— решил Салазкин,— сына спроведаю... Дела, они ведь что комарье... Любого заедят!

Сказано — сделано. Долго бродил старый по городу. Напутала глупая тетка Лукерья! Оказывается, не в «горколхозе», а в «горкомхозе» надо было искать сына.

— Товарища Салазкина? — переспросили его в горкомхозе.— Идите, папаша, вон в ту дверь!

Старик пригладил волосы, одернул пиджак, толкнул дверь и сразу же увидел его, своего Ваську.

— Васька! — обрадовался он.— Сорванец! А я вот к тебе прямо...

— Не Васька,— строго перебил его сын,— а Василий Иванович!

— Как? — не понял Салазкин.

— Василий Иванович,— раздельно повторил сын.— И вообще, гражданин, вы по какому вопросу?

Старый Салазкин почувствовал головокружение.

— Вася! — ласково начал он.

— Василий Иванович! — твердо поправил его сын.

— Ну да,— вздохнул старик,— Василий Иванович.

— По какому вопросу, гражданин? — повторил сын.

— Это я-то? — совсем растерялся Салазкин.

— Это вы-то,— кивнул сын.

— Тетка Лукерья говорила...— начал старый и вдруг замолчал.

«Мать честная! — подумал он.— А ведь напутала, ей-богу, напутала глупая Лукерья! Не Васька это... Нет, не Васька! Похож, но... Мало ли похожих людей!»

От этих мыслей старику стало совсем не по себе. В крайней растерянности схватился он руками за ремень, и в ту же секунду строгий Василий Иванович резво выскочил из-за стола...

— Батя! — громко крикнул он.— Дорогой! А я-то и не узнал тебя сразу!.. Да что мы стоим-то? Ты садись, садись!

— А ты мой Васька? — уже не доверяя себе, спросил Салазкин.

— Васька я, Васька! — поспешил успокоить отца сын.

— Фу ты! — облегченно вздохнул старик.— А уж я-то подумал...

И он начал подробно выкладывать сыну свежие деревенские новости.

Салазкин-младший внимательно слушал Салазкина-старшего, кивал головой и украдкой поглядывал на его видавший виды солдатский ремень.

«ПРЯЖКА»

Подарок

Задержали рабочего тракторного завода Мелкосошкина в проходной с бутылкой краски. Составили акт. И вместе с краской рабочего привели к директору.

Директор сурово нахмурился и сказал:

— Расскажите-ка, пожалуйста, как это вас угораздило украсть краску на своем же заводе?

— Я не воровал,— обиделся Мелкосошкин.— Разве можно воровать на своем заводе? Я просто взял. Подумаешь, кража! Бутылка краски.

— Если каждый рабочий будет брать для своих личных нужд по бутылке краски, то получится, как в песне: «...и по винтику, по кирпичику растащили мы этот завод»,— пояснил директор.

— Так ведь не каждый берет,— терпеливо объяснил Мелкосошкин.— Зачем каждому краска? На что она ему? Не у каждого краска на полу отскочила вместе со шпаклевкой после ухода строителей. Без нужды никто и капли не возьмет. Что он ее, краску-то, с хлебом есть, что ли, будет или на заборах алгебраические выражения выводить?

— И все-таки вы украли! — отрезал директор.

— Да что вы? Упаси бог! Дом у меня государственный. Краска тоже государственная. Я же не себе взял. Да и дело-то тут копеечное. Купил бы в магазине, да нет ее. А вы «украл, украл»!.. Вот если б я мотор или трактор взял, тогда бы можно было считать меня вором. А вы меня так отчитываете, оскорбляете, можно сказать, словно я трактор украл!

— Трактор не украдешь! Охрана у нас на высоте! Даже бутылку в кармане видит, вы в этом сами убедились!

— То бутылка, а то трактор,— упрямо твердил похититель.— Да я вам, если хотите, сегодня же подарю трактор за проходной завода. Так сказать, в порядке эксперимента.

Мелкосошкин озорно улыбнулся и быстро вышел из кабинета. Не теряя времени, подошел к месту обкатки машин, взял первый попавшийся ему колесный трактор «Беларусь», подцепил стоявшие рядом сани с опилками и подъехал к воротам проходной завода.

— Стой! Чего везешь? — остановил охранник.

— Опилки! Не видишь, что ли?

— Пропуск есть?

— Нет!

— Тогда нельзя вывозить. Нужен пропуск на вывоз опилок и корешок квитанции из кассы об уплате денег за опилки,— пояснил охранник.

— Откуда я знал, что за опилки еще платить надо?

— Сходи уплати, и я тебя пропущу. Мне что. Мне документ нужен.

— А может, пропустишь? Ведь опилки и выеденного яйца не стоят. Я больше времени убью, пока соберу резолюции.

— Нет, не могу! Закон есть закон.

— Ну и черт с тобой! Забирай свои опилки! — выругался рабочий, отцепляя сани от трактора.— Открывай!

Охранник, видя, что сани отцеплены и оставлены на территории завода, открыл ворота и пропустил трактор за проходную завода, приговаривая:

— Закон есть закон!

Мелкосошкин, не сбавляя скорости, подъехал к окну кабинета директора и выключил мотор. Вернулся на завод и позвонил директору:

— Иван Петрович! Забирайте ваш трактор. Я его вам дарю.

Так и стоит перед окном директора до сих пор новенький, сверкающий неукраденной краской трактор «Беларусь», пока в заводоуправлении ломают голову, как выписать пропуск на въезд трактора обратно на территорию завода...

«ДИРЕКТОР»

Юрий БЛАГОВ, Гигла ПИРЦХАЛАВА,
специальные корреспонденты
Крокодила

ПРЫЖОК В СТРАНУ ФУТБОЛИЮ

Репортаж из западного полушария

ДАЛЬНИЙ КОНТИНЕНТ

В час ночи выходит на поле судья
И в небо взлетает монета,
А если (в час ночи!) денек без дождя,
То небо лазурного цвета...

Без четверти два (тоже ночи) спешим
В кафе навострить свои лыжи,
Стараясь места и себе и своим
Занять к вентилятору ближе...

На пресс-конференции снова жара,—
От ламп раскаленных вдали мы,
А зрители в три часа ночи (утра?)
Расходятся, солнцем палимы...

. . . .

Пусть мир сумасшедшим меня не сочтет,—
Я просто, тоскуя по дому,
Веду по московскому времени счет:
Мне трудно привыкнуть к другому!

СОМБРЕРО

Без шляпы в зной никак нельзя.
И, словно кабальеро,
На первый матч явился я
В соломенном сомбреро.

Однако пресса здесь в тени
(В буквальном смысле слова),
И даже в солнечные дни
Нет зноя никакого...

А многоцветный стадион,
Как пестрый флаг, трепещет,
Гудит, шумит, грохочет он,
Свистит и рукоплещет.

То поднимается в рывке,
Влезая на перила,
То на испанском языке
Кричит: «Судью на мыло!..»

В тени я, честно говоря,
Подумал на минуту,
Что на сомбреро, в общем, зря
Расходовал валюту.

Здесь, в экзотическом краю,
Я не имею банка...
И тут же в голову мою
Попала чья-то банка...

С безумцев требовать нельзя
Общественных приличий,
Бросать в экстазе все и вся
Вошло у них в обычай.

Моя макушка пополам
Отнюдь не развалилась —
Пустая банка по полям
Сомбреро покатилась.

И я не вздыбился, как еж,
Рассерженный ударом,
А усмехнулся, ибо все ж
Потратился недаром...

У ХРАМА СВЯТОЙ ГВАДЕЛУПЫ

К святой Гваделупе, что метрах в двухстах
И, верно, сильна в исцеленьях,
По площади с малым дитем на руках
Синьора ползет на коленях...

Машины забрали столицу в полон
И мчатся во всех направленьях.
На улицах их не один миллион...
Синьора ползет на коленях.

Болельщик, с игры возвращаясь, прочтет
В газетах, в листках, в бюллетенях
О только что сыгранном матче отчет...
Синьора ползет на коленях.

Проспекты, рекламным сверкая огнем,
Купаются в увеселеньях,
Ночами проспекты светлее, чем днем...
Синьора ползет на коленях.

Я знаю, когда-нибудь будут зиять
Пробелы в моих впечатленьях...
Пока же закроешь глаза — и опять
Синьора ползет на коленях...

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МЕКСИКА

Смотрим в Мехико в отеле
Матч, записанный на пленку.
Хохот сдерживаем еле,
Отходя порой в сторонку...
— Бобби Чарльтон пробил мимо,
А была возможность гола,
Каждый день необходимо
Пить напиток кока-кола.
Вышел к Бенксу Ривелино,
Ас бразильского футбола,
От простуды и от сплина
Исцеляет кока-кола.
Обхватил Пеле колено,
Ай-ай-ай! Он жертва фола.
Непременно, неизменно,
Несомненно... кока-кола...

. . . .

Словом, в записи вот этой,
Чисто долларовой школы,
Матч закончился победой
Всемогущей кока-колы!

«СПЕЦИАЛИСТЫ»

Кто в детстве мяч гонял как мог,
Хотя бы и тряпичный,
Всю жизнь считает, что знаток
Футбола он отличный.
И журналисты, всей гурьбой
Войдя в автобус местный,
Вступают после боя в бой,
Естественно, словесный:
— Хмельницкий мяч передержал,
А ясно всему свету,
Что лучше было б, если б дал
Налево Логофету.
— Ха-ха! Типун вам на язык!
Полезней дать направо:
Я видел сам, как в этот миг
Открылся Хурцилава.
— Да нет! Отдать-то был резон
Назад на Шестернева:
Тогда бы с центра поля он
Атаку начал снова...

А я не лезу в глупый спор
О матче проведенном,
Я нетерпимость с давних пор
Питаю к пустозвонам,
К их дилетантским словесам,
Наивным оборотам...
Будь я Хмельницким, я бы сам
Ударил по воротам!

АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ

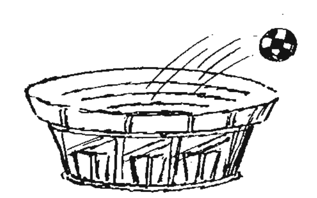
У них типично русский вид,
Славянская душа,
Однако в паспорте стоит
В графе гражданства — США.
Болеть за русских в эти дни
Приехали сюда,
Хотя не видели они
России никогда.
Но раз уж дали им отцы
Родную нашу речь,—
Взялись синхронно «Мо-лод-цы!!!»
Кричать во время встреч.

И вот мы с ними в кабачке
Сидим и пьем за нас
В невыразимом далеке.
А кажется подчас,
Что мы в Рязани иль в Клину,
Лишь я, как тамада,
Организуя тишину,
Взываю: — Господа!..

А в их коктейлях золотых
Смешались смех и грусть;
Есть в Калифорнии у них
Своя команда «Русь».
Отлично знают господа
Футбол наш и хоккей,
Но в знак согласия вместо «Да!»
У них звучит «О'кей!».
Зато уж каждый русский гол
Встречают на ура...

. . . .

Все это больше, чем футбол.
Серьезней, чем игра.

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Читает Мехико с утра
В газетах сообщенье:
Шли два болельщика вчера
В понятном возбужденье,
Один из них сказал насчет
Своих и Сальвадора:
— 4 : 0! Вот это счет!
Мы всех раздавим скоро!
Его дружок сказал в ответ:
— Сильные у нас ребята,
Но сальвадорцы ж, не секрет,
Играют слабовато!
Болельщик первый ощутил
Весомость аргумента
И в ходе прений застрелил
На месте оппонента

. . . .

Стрельба не вышла из игры.
И в здешних магазинах
Лежит оружье до поры
В сверкающих витринах,
И вам его, как ананас,
Вручат, не дрогнув бровью...
Нет, тут не скажешь, как у нас:
«Болейте на здоровье!»

НАШ ОТЕЛЬ

В Мехико «Мария Исабель» —
Самый фешенебельный отель,
В нем — пресс-центр и мы, корреспонденты,
Кроме нас, весь день туда-сюда
Дамы мельтешат и господа,
Словно в кадре светской киноленты.

Съехались они из разных стран,
Их маршрут — бассейн да ресторан,
Дальше не простерлись интересы.
Каждый час меняют свой наряд
И с пренебрежением глядят
На заботы тружеников прессы.

На футбол им явно наплевать,
Был бы только повод показать
Прихоти свои да туалеты,
Вот и демонстрируют они,
По каким моделям в наши дни
Все они одеты... нет, раздеты!

Дама в вестибюле прямиком
С голым дефилирует пупком,
Мы, мол, пуп земли, а не другие.
Слава богу, в брюках кавалер,
Но целует ручку даме сэр
В шортах... (правда, шорты дорогие).

Гости ресторанят в час ночной
У свечей в полено толщиной,
Пьют дорогостоящее зелье.
Стая расторопных холуев
Жизнь им наполняет до краев,
Но веселья мало в их веселье...
Нам, вчера простившимся с Москвой,
Видеть сей паноптикум живой
В первые мгновения занятно;
А как проживешь недели три,
Хоть бросайся в детство да ори:
— Мама, забери меня обратно!..

ФУТБОЛЬНАЯ ВОЙНА

Город вовсю начинает беситься!
Славно закончилась нынче игра:
Пали на поле (футбольном) бельгийцы,
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Люди неистово флагами машут,
Стало движенье не тем, что вчера,—
Толпы на крышах автобусов пляшут,
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Улицы, площади вмиг запестрели,
Заполыхали ярче костра,
Автосирены скандируют трели:
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Папы почтенные лезут на крыши,
Бегают, прыгают, как детвора,
И ползунков поднимают повыше...
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Всем монументам, стоящим вдоль сквера,
Тоже пришла веселиться пора,
И на Колумба надели сомбреро —
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Всё здесь срывают, увечат, корежат,
Уйму ломают повсюду добра,
И полицейские буйствуют тоже...
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Был водружен в символическом стиле
Мяч над отелем, большой, как гора,
Сбросили вниз его и покатили...
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

В американском посольстве, что рядом,
Нынче охрана не спит до утра,—
Тут ко всему подготовиться надо...
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Зная про ночи кошмарные эти,
Тащат снотворное нам в номера.
«Буэнос ночес!»[1] прочтешь на пакете...
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

Но разве в Мексике нынче поспится?
Даже в Москве в три, в четыре утра
Вскочишь с постели, если приснится
Ме-хи-ко, Ме-хи-ко, ра-ра-ра!

[1] «Доброй ночи!» (исп.).

БИРЖА

Нет, не на отдых в утро раннее,
Будь зной иль дождик без конца,

Садятся люди возле здания
Национального дворца.
Перед собой поставив ящики,
Сидят строители и ждут,
Когда пожалуют подрядчики
И купят их нелегкий труд.
На досках названы селения,
Откуда прибыли сюда.
Из поколенья в поколение
На биржу тащатся труда...

И вспомнил я про объявления
Со словом ТРЕБУЮТСЯ... М-да!!!

КОРРИДА

На примитивный и тупой
Не бой быков, а их убой
Сгубил я вечер летний.
О вы, кто плату брал за вход,
Зачтите за два мой приход —
За первый и последний!

ПЕЛЕ

Пеле сообщает в своих мемуарах,
Как в детстве гонял с ребятишками мяч,
Как, став футболистом, в сражениях ярых
Познал полосу неудач и удач.
Но жизнь футболиста короткая слишком,
А страсти к игре ему ввек не унять,
И старый Пеле возвратится к мальчишкам,
Прося разрешения мяч погонять.
Так пишет Пеле... А сейчас он на поле
И мир в восхищенье приводит опять
Волшебник мяча, Паганини футбола —
Ну, как еще можно такого назвать?
Мудрейшие пасы, нежданные вспышки,
И мяч бьется в сетке, вратарь — на земле...

. . . .

Как видно, не скоро родятся мальчишки,
С которыми хочет сражаться Пеле!

БРОДВЕЙСКАЯ РАПСОДИЯ

Писал я о Бродвее, не имея
Понятья, а каков он наяву...
Теперь живу в трех метрах от Бродвея
И ожидаю рейса на Москву.
Но нет его, и мы, чтобы развеяться,
Выходим по Бродвею «побродвеиться».

Вот дева, добродетели в отместку,
Раздетая разгуливает тут,
Она несет плакат «Свободу сексу!»,
И два хлыща листовки нам суют.
Прикрытые тряпичными отбросами,
Хлыщи хотя в штанах, однако с косами.
Призыв не остается без вниманья,—
В районе этом лавочек не счесть,
Там выставлены яркие изданья,
В которых снято... гм... ну, всё, как есть...
И тут же киноящики находятся,
Где снятое в движение приводится.

Со мной художник Гигла Пирцхалава,—
В работах сатирических своих
Имеем на гиперболы мы право,
Будь то карикатура или стих,
Но в этот раз обходимся натурою —
Натура стала здесь карикатурою!

ОРАНЖЕВЫЙ ЖИЛЕТ

Перелетаем океан,
Земли под нами нет,
И вот показывают нам
Оранжевый жилет.
Понять нетрудно, что к чему,
Но, может, я один
Названье выдумал ему:
Он — Антиакулин...

Когда откажет самолет,
И вам, прервав свой путь,
С девятитысячных высот
Придется вниз нырнуть,
Пускай вы в этом новичок,
Но вы в тисках волны
На том жилете колпачок
Откупорить должны.
Вокруг окрасится вода,
А в краске — рыбий яд,
И никакие вас тогда
Акулы не съедят...

У нас попасть желанья нет
В подобный оборот,
И в самолете стал жилет
Мишенью для острот.
Но если был им человек
Спасен (хотя б один!),
Благодарю вас, Имярек,
За Антиакулин!..

ХОЧУ СКАЗАТЬ Я РЕЧЬ...

Сегодня мы летим домой,
Заранее предвидя,
В какой великой — бог ты мой! —
Болельщики обиде...
Путь нашей сборной был вчера
И короток и кроток;
Прошла игра, пришла пора
Статей и проработок.
Держать ответ за вялость встреч
Не сладко, прямо скажем,
И я б хотел отсюда речь
Сказать ребятам нашим:
— Мы здесь такой видали класс,
Такой накал сражений,
Что место пятое для вас —
В разряде достижений.
В командах «экстра» каждый штрих
Был вычерчен блестяще,
Желаю вам иметь таких
Соперников почаще!
Пусть эта школа мастерства
И впрямь напомнит школу,
И пусть поменьше хвастовства
Сопутствует футболу.
Не без потерь вернетесь в строй
Сильнейших и маститых —
Ну, что ж... за битого порой
Давали двух небитых.
Забудьте «тактику очка»
С надеждами на счастье,
Тут не победа дорога,
А дорого участье.
В боях поднялся наш хоккей
И славно верховодит...
Пытливей будьте и смелей!
Кто ищет — тот находит!

Мехико — Нью-Йорк — Москва.

Устин МАЛАПАГИН

КОРОВА ПРОТИВ ЛОКОМОТИВА

Они встретились на перегоне Южно-Сахалинск — Христофоровка Южно-Сахалинской железной дороги.

Встреча оказалась роковой: он сошел с рельсов всеми четырьмя парами, она навеки перестала мычать, так и не узнав, во что обошлась государству их встреча.

Поясним. ОН — это локомотив пригородного поезда. ОНА — корова по кличке «Марта». 10 119 рублей должны были заплатить за эту встречу в пути южносахалинские железнодорожники.

— А почему, собственно, должны? — возмутились железнодорожники, подумав.— В конце концов железнодорожное сообщение не коррида, а пути не выгон и не фонтан для встреч.

И подали в суд на хозяина покойницы.

Дело поручили вести следователю города Южно-Сахалинска тов. Назаренко.

Поскольку дело о наезде перешло тем самым из сферы, так сказать, житейской в сферу юридическую, перейдем и мы на язык Фемиды. Для этого откроем «Дело о корове», изложенное тов. Назаренко на 65 листах.

Любое следствие начинается с установления, и тов. Назаренко, ознакомившись с делом, УСТАНОВИЛ:

«Из полученного от Южно-Сахалинского отделения материала усматривается, что 10 октября 1969 года в 20 час. 40 мин. на перегоне Южно-Сахалинск — Христофоровка допущен наезд на безнадзорную корову, в результате чего корова погибла, а локомотив пригородного поезда сошел с рельсов всеми колесными парами».

Итак, версия первая: ничейная корова с белыми от ужаса глазами бодает локомотив. Корова гибнет, локомотив сходит с рельсов, ответственных нет, поскольку нет хозяина.

Все сходилось, однако опытного следователя смущал факт безнадзорности, поскольку о диких коровах никто в Южно-Сахалинске до этого не слыхал.

«Произведенной дополнительной проверкой факта крушения поезда,— пишет он далее,— установлено, что данный факт действительно имел место 10 октября с. г. по причине наезда поезда на корову, принадлежащую семье гр. Васильева».

Итак, версия вторая: корова, принадлежащая Васильевым, с белыми от ужаса глазами бодает локомотив, он сходит с рельсов, она гибнет и т. д.

«Однако факт безнадзорности за указанной коровой 10 октября,— читаем далее,— и то, что она принадлежит лично Васильеву, проверкой не подтверждается».

Это уже было кое-что. А если принять во внимание показания супругов Васильевых, что корова по кличке «Марта» систематически болела, «в связи с чем постоянно по возвращении с пастбища была на привязи, и безнадзорной таким образом никогда не являлась», то возникает совсем иная картина происшествия.

Итак, версия третья: больная, не принадлежащая никому корова возвращается с пастбища. Ей нехорошо. Ее лихорадит. Однако там, в деревне, ее ждут хорошие люди — Васильевы. Они обогреют, привяжут и подоят бедное животное. И вот тут-то появляется некто, по-видимому, действительный владелец коровы, чья преступная рука отвяжет «Марту», оставит открытым сарай и толкнет тем самым буренку под колеса.

Тот детектив не детектив, где все ясно с самого начала. Главное действующее лицо, злой гений, должен появиться с двенадцатым ударом часов, с титром «Конец тринадцатой серии».

И тов. Назаренко доказал, что он не только знает, но и блестяще владеет этим приемом.

«Корова по кличке «Марта»,— заключает он свое исследование,— принадлежащая семье Васильевых, безнадзорной никогда не была». «Состава преступления не усматривается, в связи с чем оснований к возбуждению уголовного дела по факту крушения пассажирского поезда № 310 не имеется».

Итак, версия четвертая, окончательная. Корова по кличке «Марта», принадлежащая семье Васильевых, спокойно гуляла по рельсам, пощипывая травку и раздумывая о своих болезнях. Вдруг, откуда ни возьмись, из-за поворота вылетел белоглазый безнадзорный локомотив, принадлежащий Южно-Сахалинской железной дороге, и забодал несчастное животное.

Вывод: семья Васильевых имеет право подать в суд на МПС и взыскать что положено.

Будут локомотив в следующий раз привязывать!

Поскольку вопрос юридически исчерпан, мы можем вновь расстегнуть пуговицу воротничка и предаться благодушному размышлению.

Может ли такая махина, как локомотив, спасовать перед буренкой и сойти с рельсов всеми колесными парами? Слишком уж в разных весовых категориях встречались соперники.

И вообще, какие принимаются меры от наезда поездов на скот? Это особенно существенно в связи с возрастающими скоростями движения транспорта.

Представляете, что будет, если фирменный поезд «Литва», идущий (имеется в виду ближайшее будущее) со скоростью 230 км в час, налетит на корову? Столкновение в космосе метеора с метеоритом — вот это что такое!

— Может, и еще как! — ответил на первый вопрос ревизор по безопасности движения МПС А. Папков.— Все дело в том, на кого наехать. Если на корову или лося, то все дело в кости. Кость у них крепкая. Если на овцу — другое дело... Но лучше ие наезжать. МПС строит специальные сооружения...

— Тоннели, путепроводы, места для перегона скота,— продолжил разговор главный ревизор по безопасности движения тов. М. Кошляк,— посадки колючих кустарников вдоль полотна, электропастух — провод со слабым током по обеим сторонам пути — таков неполный перечень наших мероприятий. Однако посадки требуют ухода, а электропастуха некоторые жители разбирают по кускам для личных хозяйственных нужд, и в результате...

— В результате,— продолжал мысль ревизор Т. Руднев,— только на Восточно-Сибирской железной дороге и только за пять месяцев имеется 15 случаев наезда на безнадзорный скот.

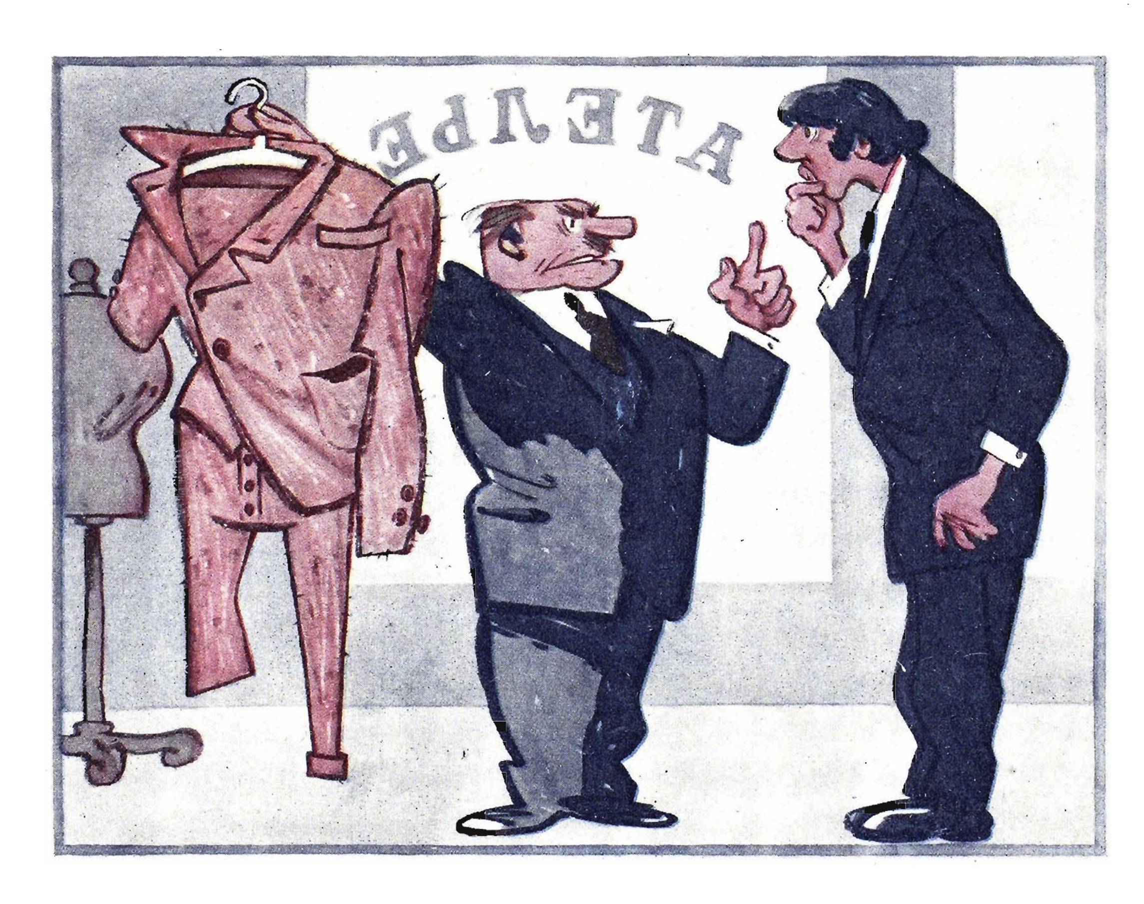
Казахская и Куйбышевская дороги делят второе и третье места — от 10 до 15 наездов за тот же период. Убытки подсчитываются...

Чтобы как-то прервать тяжелую паузу, наступившую в разговоре, мы спросили:

— Известны ли случаи привлечения к уголовной ответственности ротозеев-частников — владельцев безнадзорного скота и целых организаций?

Ревизоры переглянулись и надолго задумались. А тов. А. Папков, сообщивший нам грустную историю гибели коровы Марты, предположил, что после трудов следователя тов. Назаренко и показательного суда над МПС, с наездами локомотивов на коров будет покончено раз и навсегда.

Блажен, кто верует...

— Хочу сразу вас предупредить, что чаевых не беру принципиально!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Холостой патрон

неженатый начальник.

Делать погоду

выражение родилось у заказчиков ателье и вначале звучало так: «Делать по году».

Классический треугольник

имеется в виду муж, жена и бутылка водки.

Пиррова победа

автомобиль «Победа», приобретенный гражданином Пирром, который тратит на ее ремонт больше половины месячной зарплаты.

О. СЕИН, г. Киев.

Не успел оглянуться

эпитафия на могиле первой жертвы автомобиля.

Н. КАРЕЛИН, г. Ленинград.

Плата за страх

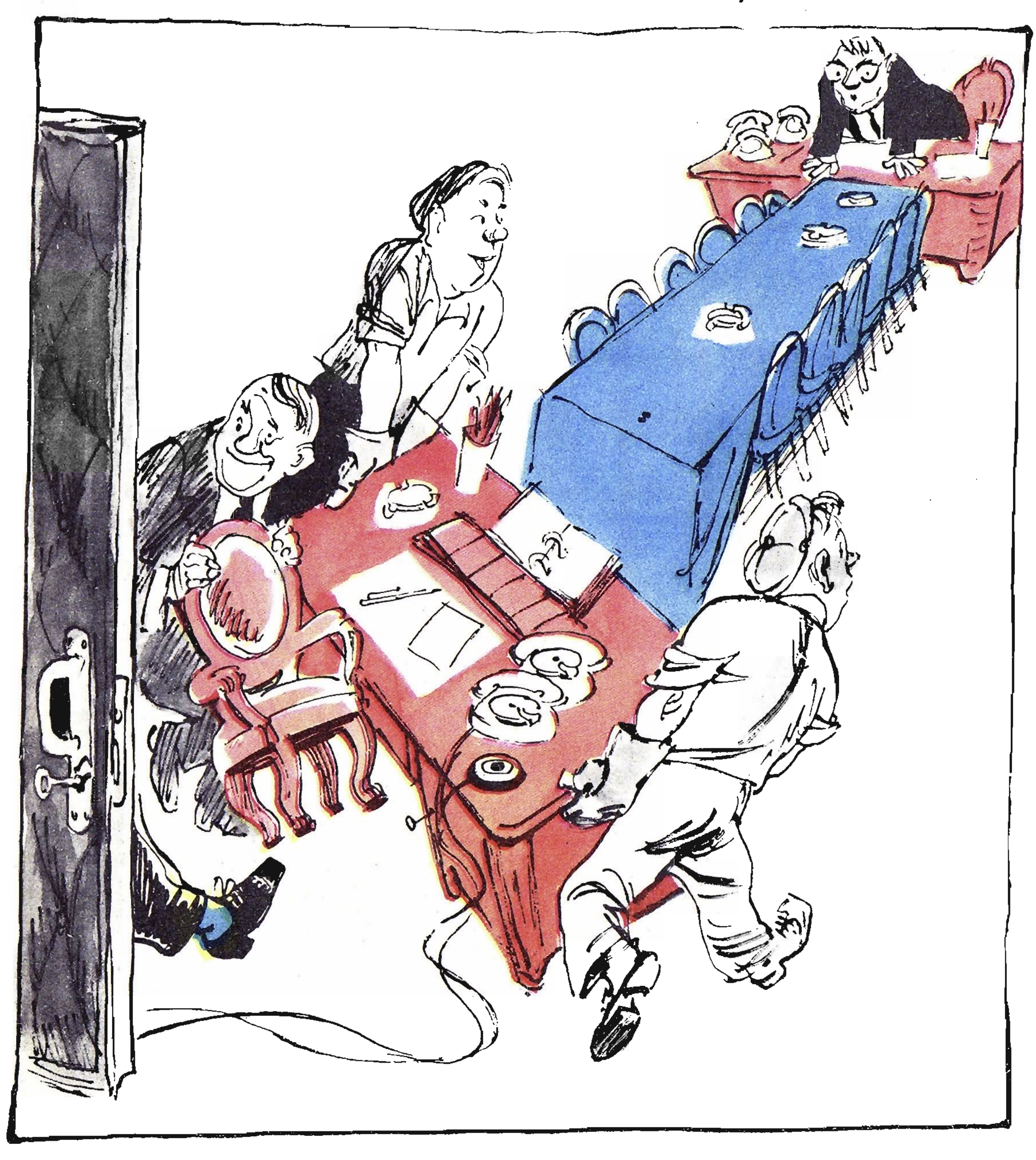
штраф за переход улицы в неположенном месте.

В. СИМАКОВ, г. Киржач, Владимирской обл.

— На что клюет?
— Только на кашу с фенолом, бензолом и двуокисью углерода.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— С вами хочет говорить директор соседнего завода!

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА и А. ЕЛИСЕЕВА

НУЖЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ?

Год назад в «Крокодиле» № 19, 1969 г., был помещен фельетон А. Моралевича «Ночь, станция...». Вот строки из ответа на него за подписью заместителя министра путей сообщения СССР тов. Н. Гундобина:

«В соответствии с Уставом железных дорог, Правилами перевозок и Техническими условиями погрузки грузоотправители обязаны подготовить автотракторную технику к транспортировке таким образом, чтобы обеспечивалась сохранность груза при перевозке, снять и упаковать или защитить упаковочным материалом все бьющиеся и легкоснимаемые части. Однако заводы-поставщики нарушают установленный порядок и допускают факты некомплектной погрузки машин и запасных частей к ним.

Министерство путей сообщения, Министерство автомобильной промышленности и Министерство транторного и сельскохозяйственного машиностроения рассмотрели вопросы обеспечения сохранности автотракторной техники при транспортировке по железным дорогам и обязали железные дороги и предприятия улучшить подготовку автомобилей, тракторов и другой техники к транспортировке и разработать другие меры по обеспечению их сохранности при перевозке».

И как будто все хорошо.

Но вот чуть-чуть из писем в редакцию. Армения, Туманянский завод огнеупоров, зам. директора К. Ианкимиди: «Простаивают два разворованных автомобиля МАЗ. В пути украдено тридцать восемь наименований деталей. Рядом готовим место для третьего МАЗа — скоро должны получить».

Пишет помощник машиниста электровоза депо Курган В. Кудяшев. Он пишет так: «Машинист — я должен смотреть вперед. И больно смотреть назад. Стопоришь состав хоть в чистом поле — и сразу вокруг платформ появляются люди. Они крадут с платформ материальные ценности. И по тому, как смело крадут, за это вряд ли строго наказывают».

А вот пишет В. Майоров, представитель Горьковской железной дороги: «Мне, как иному другому, знакомы все казусы втирания грузов и автотехники получателям. А что написано в фельетоне, это капля воды из всего, что творится ежедневно на любой из станций. Признаюсь, что мною втерты получателям, пожалуй, сотни автомашин «Москвич», «Запорожец» без приемников, инструментов, аккумуляторов и пр., и пр.».

Вывод? Его подсказывает тот же В. Кудяшев: «Нужен человек с ружьем. Как бы там ни было, нужен».

А поскольку его нет, нам пишут с Ростовского механического завода № 5: «Производим нужные позарез бурильно-крановые установки на базе автомобиля «ЗИЛ-130», «ЗИЛ-164». Бывало, пломбировали, грузили, махали платочком стрелку МПС, имели отовсюду «спасибо». Теперь станция Ростов-товарный нас известила: вашу продукцию больше не берем под охрану».

Раньше сторож нужен был один на состав. А теперь за каждой машиной заказчик шлет через всю страну двух-трех сопровождающих. И, помимо десятков тысяч рублей, убиваемых на эти экспедиции, надо сочувствовать лишениям людей, долгими неделями мотающихся на товарных составах.

Кончим письмом из колхоза имени Фрунзе, Красноярского края. Там стоят обворованные на железной дороге: два комбайна «СК-4», трактор «ДТ-20», девять молоковозов, трактор «Сибиряк».

А не так давно инженер колхоза А. Татьянкин выехал получать на станцию Минусинск автопередвижную ремонтную мастерскую. Колхоз ждал ее много лет. Кстати, вы знаете, что такое автопередвижка в колхозе? Где она есть, употребление нецензурных слов сельским жителем снижается на сорок процентов.

Так вот, инженер Татьянкин влез на платформу. Никаких пломб на машине не обнаружил вообще. Инженер размотал проволоку на дверцах фургона и онемел. Внутри было так, будто там взорвали бомбу. Все оборудование, необходимое для ремонта в поле машин, было вырвано с мясом и украдено.

И колхоз имени Фрунзе стал вызывать всю Восточно-Сибирскую железную дорогу на суд. Колхозу предстоит кампания изнурительная, длиннее любой уборочной и посевной.

Надобность в огнестрельном человеке на тормозной площадке состава диктуется интересами всего народного хозяйства страны.

Д. АГАЕВ, М. ВЛАДИМОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

ОТ СТВОЛА ДО СТОЛА

Несколько лет назад выездная редакция «Правды» работала на Балахне. Сейчас ее традиции продолжает выездная редакция на Кондопоге. В обоих случаях журналистам-правдистам было придано подразделение сатириков-крокодильцев.

На Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате крокодильцы ведут постоянную страницу сатиры и юмора «На зарядку становись!». Ее авторы, поэт-сатирик Михаил Владимов и художник Джангир Агаев, в этом репортаже делятся своими впечатлениями и наблюдениями.

Не смолкает шелест,
Шорох
В двух соседних
«Зряконторах»:
День за днем
Они друг другу
Шлют по эллипсу
И кругу
Списки,
Выписки,
Записки,
И расписки,
И отписки...
Как их пыл ни укрощают,
Как их штат
ни сокращают, —
По плечу им чудеса:
В переписку превращают
За год целые леса!

Рядом —
Зданье «Зряиздата».
У него темплан богатый:
Фолианты весом в пуд
Зряиздатели пекут —
«О влияньи пчел на квочек»,
«О затычках винных
бочек»,
«Как выращивать пырей»,
«Как лечиться от угрей»
И мильон календарей:
Школьный,
Женский
И семейный,
Турпоходный
И хоккейный,
Кинозвездный,
Городской,
Проездной,
Тверской,
Ямской...
Год труда —
Глядишь, исчез
Где-нибудь огромный лес!

Каюсь, до недавней поездки в Карелию у нас к этим зряучреждениям было довольно снисходительное отношение. Больше того, мы иногда равнодушно бросали ненужную бумагу в мусоропровод вместе с другими отходами.

Теперь — нет! Если раньше мы знали, как легко бумага рвется и мнется, то теперь знаем, как трудно она дается.

КАК ОНА ДЕЛАЕТСЯ

Генералы из щедринской сказки были уверены, что булки растут непосредственно на дереве. К сожалению, примерно такое же представление о производстве бумаги было у нас, когда мы попали на Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат. Нам было известно только то, что бумага делается из дерева, а дерево поступает сюда по воде. Действительно, спустившись вниз к порту, мы из-за «деревьев» воды не увидели. Все было деревянным: причалы, острова (скопления бревен) и даже горы (запасы сырья на зиму). А в небольшом домике на берегу озера мужчина в спецовке говорил деревянным голосом:

— Наше дело — выгружать! Мы подаем лихтерами баланс во дворы, а вы тяните кошели на биржу...

Услышав эту абракадабру, мы едва устояли на дебаркадере. Однако прошло несколько дней, и мы стали чувствовать себя в специфике местного наречия, как рыба в воде, и уж по крайней мере не хуже той, которая плещется в Кондопожской губе, насыщенной отходами комбината!

Залежи топляка на дне Кондопожской губы уже оцениваются в сотни тысяч рублей. Поистине золотое дно!

Вскоре мы уже знали, что лихтер — это судно для перевозки баланса, а баланс — это деловая древесина определенной длины, которая делится без остатка на 1,25. А дворы — это огражденное на воде место, куда разгружают балансы. А кошель — это тот же двор, но уже заполненный балансами, которые транспортируют к бирже. А биржа (лесная) — это место, где первоначально обрабатывается древесина.

В это время к порту,
к рейду
Подходили лихтера.
И сигналили: скорей-де
Разгружайте у двора!
Подходил к ним
кран плавучий,
Делал взмах
стрелой могучей
И во двор для быстроты
Брякал бревна с высоты.
И ему, конечно, рыба,
Попадая под удар,
Не сказала бы спасибо,
Коль имела б речи дар.
Где трудился
кран плавучий,
Из балансов рос завал.
И бесформенную кучу
Вскоре он образовал.
А в слоеной куче той —
Елки,
Палки,
Лес густой!
Пароходство разгружает —
Производство возражает,
И уже не первый год
Между ними спор идет.
ПРОИЗВОДСТВО. Здесь
завал!
ПАРОХОДСТВО. Нет, навал!
ПРОИЗВОДСТВО. Коротье!
ПАРОХОДСТВО. Долготье!
ПРОИЗВОДСТВО. Это брак!..
А балансы — бряк да бряк.

За лес, который пришелся не ко «двору», «раскошеливается» комбинат. Последнее слово в конфликтах всегда оказывается за Беломорско-Онежским пароходством. А оно твердит одно:

Наше дело — выгружать,
Ваше — нам не возражать!

«Правда» на Кондопоге»

НА ЗАРЯДКУ СТАНОВИСЬ!

Рацпредложение для женщин, вручную перекатывающих многопудовые рулоны.

— Откуда дровишки-калабашки?
— Из комбината, вестимо. Там этого лесу — целые горы.

Когда в цехе нет вентиляции.

ЕЩЕ ОДИН ЛЕС

Стали банальными плакаты: из огромной болванки вытачивают кроху болтик, из бревна выстругивают спичку. На комбинате до спички, правда, не доходит. Но все равно потери древесины впечатляют. Вполне естественно, что бревно-баланс лишается коры. Но противоестественно, что основная масса коры идет на свалку, которая, кстати, простерлась по берегу уже на добрый километр и мало-помалу осыпается в Онежское озеро.

Естественно, что двух- или семиметровое бревно (вот откуда названия «коротье» и «долготье»!) на 1,25 не делится. Но противоестественно, что этих самых остатков — «калабашек» — набралось уже около 8 тысяч кубометров. Вот вам еще один лес! Но, увы, не последний...

Дальше, попадая в измельчительные и варящие агрегаты, дерево становится массой, на цвет и на ощупь напоминающей мучное тесто, — и тут уж ему, казалось бы, терять больше нечего. Ан нет!

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК

Когда масса сварена и доведена до кондиции, ее подают по трубам в напорный ящик бумагоделательной машины. Вот тут-то мы наконец приближаемся к святая святых бумажного производства. Для буммашины, которая в длину занимает всю стометровку цеха, подойдет любой эпитет: огромна, могуча, великолепна, грандиозна. И пером ее (прозаическим) не описать.

Машина — цех!
Машины бег —
«Скорей! Скорей!» —
Торопит век.
И день за днем —
«В накат! В накат!
На съем! На съем!» —
Валы гремят...

Широкое, как водопад Кивач в лучшие свои времена, — по сетке, по сукнам, по валам с огромной скоростью (700 метров в минуту) летит бумажное полотно,

Чтоб теплым, белым
Стать листом,
Газетой, книгой
Лечь на стол.
Писатель ждет —
Скорей! Скорей!..
Читатель ждет —
Скорей! Скорей!
Для букварей —
Скорей! Скорей!
Для чертежей —
Скорей! Скорей!..
Вдруг
Где-то брак —
И лента вкривь.
Гудок, как вскрик:
— Обрыв! Обрыв!

— Девчата, вы не видели, где мой башмачок? — растерянно спросила Люда Акимова, работавшая на первой буммашине в ночь на 9 июля. В тот же миг бумажная лента оборвалась: башмачок этой Золушки угодил в машину. Назвать башмачок золотым значило бы недооценить его. Холостой ход машины обошелся государству не в одну тысячу рублей.

Но такое бывает редко. Чаще причины «холостых ходов» — в низкокачественных деталях и «одежде» машин, отсутствии запчастей и прочих неполадках. За последнее полугодие из-за этого потеряны тысячи тонн бумаги. И это тоже лес!

СКЛАД-КЛАД

Где вы видели такое:
Дом пока еще не строят,
А уж мебель завезли
И хранят ее... в пыли?
Где? Ответим: в Кондопоге
Мы нашли подобный клад.
Протянулся вдоль дороги
Оборудованья склад.
Длинных ящиков громады,
Словно склепы...
ржавый лом...
И казалось: не по складу,
А по кладбищу идем.

Львиную долю территории этого погоста заняла полученная из Ижевска два года назад бумагоделательная машина «Б-15», еще более грандиозная, чем все те, что есть на комбинате.

Ценность этой «Б-15»
По-особому должна
У дороги измеряться:
Километрами длина
(1,2 км),
Миллионами — цена
(5,1 млн. руб.).
Снег повалит, дождь
припустит —
«Б-15» спасу нет.
«Б-15» в дело пустят
Через пять примерно лет.

Подсказал нам этот случай:
Может быть, для дела
лучше
Дом построить, а потом
Завозить уж мебель в дом?

Но, увы, кое-кто об этом иного мнения. Например, работники бывшего Министерства лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности и ныне здравствующего Министерства химического и нефтяного машиностроения. Это они в 1966 году наметили поставку машины в 1967—1968 годах, а ввод в действие — в 1969 году. Через год, однако, этот приказ был аннулирован как нереальный и издан новый, отодвинувший сроки еще на год. Но понадобилось еще два года, чтоб осознать и его нереальность. Сейчас намечены как будто бы реальные сроки: первая очередь — 1972 год, вторая — 1975 год. Зато нереально финансирование строительно-монтажных работ: из ста миллионов рублей на этот год отпущено только... три. О бедная «Б-15»!

У нее удел печальный:
Дни кончать у полотна —
Ведь стареет и морально
И физически она.

Участь ее покорно разделяют и четыре портальных крана-великана. Они должны подавать **тот** лес, который поступит на биржу для **той** машины, которая лежит с ними рядом!

При осмотре кладбища комбинатской техники сама собой явилась мысль: а не пора ли заняться арифметикой? Ведь если минус бесхозяйственность — значит, плюс прибыль, рентабельность. Плюс сбереженные леса! Плюс новые реки бумаги, необходимой стране, как хлеб!

г. Кондопога,
Карельской АССР.

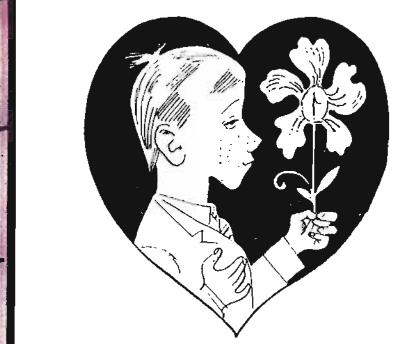
— С одиннадцати утра до восьми вечера — и точка!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Это мне-то однокомнатную квартиру?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Ежи БАРАНОВСКИЙ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первая любовь! О боже, этого забыть нельзя! Я помню как сейчас и эти ступеньки с деревянными перилами и эти аллейки, выложенные по бокам обломками кирпича, старательно побеленными паном Мокжицким. А заборчик, неровный заборчик, сбитый из толстых сучковатых палок! А старая калитка, у которой мы прощались столько раз, как, впрочем, столько же раз и встречались. А это окно на веранде, открывавшееся, когда на улице раздавался звонок моего велосипеда...

Нет, этого не забыть никогда! Что потом ни случилось бы, куда бы, даже на край света, меня ни забросила судьба, нельзя этого забыть, потому что первая любовь врезается в память навечно.

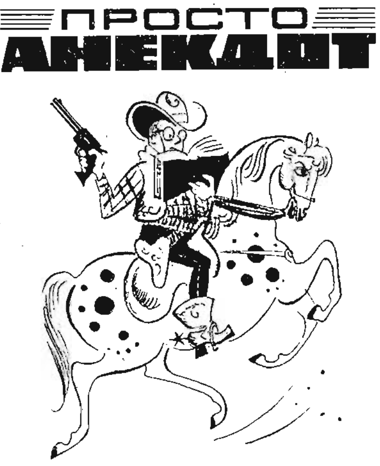
Как сейчас, вижу я и крестьянку, которая каждое утро приносила молоко и сыр к дому любимой. Крестьянка шла, навьюченная бидонами с молоком и кругами сыра, ссутулившаяся, в зеленой юбке, в ситцевом платке, придавленная своими заботами, и вдруг натыкалась на меня, выстаивавшего перед домом, и тогда — хотите верьте, хотите нет — сморщенное лицо женщины озарялось улыбкой, в глазах зажигались веселые огоньки, она выпрямлялась, как если бы кто-то снял бремя с ее натруженных плеч, подсластил ее горькую судьбу, и она шутила: «Ну и стойкий же кавалер у этой паненки!» И смеялась легко, задиристо. О! Этого забыть невозможно!

Да, нельзя забыть первой любви! Она входит в сердце, в душу и остается навеки. А если жизнь приносит потом плохую минуту, горечь, отравляет сомнением, можно утешиться картинами былого. Достаточно вспомнить, как улыбался дядюшка любимой — инвалид, и сразу становится легче и светлее жить на свете. Этот дядюшка! По сей день звучат у меня в ушах его суровые окрики: «Геленка! Довольно разговаривать! Геленка, уже десятый час! Спать, спать, Геленка!» Нет, этого никогда не забыть...

Только минуточку, как он ее называл? Геленка или Боженка? Или, кажется, Зося? Минуточку, как же ее все-таки звали?

Перевел с польского
Н. ЛАБКОВСКИЙ.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Голливудского продюсера спросили, чем отличается современный интеллектуальный ковбойский фильм от традиционного вестерна. Он ответил:

— Ковбой должен быть интеллигентнее своего коня.

●

— Папа, а правда, что красный цвет лица — признак хорошего здоровья?

— Да, это так.

— Вот интересно, я вчера встретил Смита, у него одна сторона лица была здоровее другой.

●

В нью-йоркском отеле вывешено объявление: «Гасите сигареты! Помните о пожаре в Чикаго!»

Под этим объявлением кто-то подписал: «Не плюйте на пол, помните о весенних разливах Миссисипи!»

●

— Зачем вы обучаете сына музыке? Ведь у него нет слуха.

— Мальчик и не собирается слушать. Он сам будет играть.

●

— Что вас так огорчает?

— Лиловый цвет моего носа. Из трех человек, с которыми я встречаюсь, один обязательно спросит, нет ли у меня при себе штопора.

●

Старушка просит почтальона прочитать ей письмо от сына. Тот с трудом разбирает корявый почерк.

— «До-ро-гая ма-ма-мочка, любимая...»

— Вот-вот, — радостно воскликнула старушка. — Это от него, голубчика, он еще в детстве заикался!

●

Джон избил жену и тещу. Судья присуждает его к штрафу в 1 020 долларов.

— Не понимаю, почему такая странная сумма? — удивляется подсудимый.

— Тысяча — штраф, а двадцать долларов — это налог на развлечения, предусмотренный законами нашего штата.

●

В магазине:

— Не подберете ли вы мне недорогой костюм — рублей за семьдесят, но чтобы выглядел на сто двадцать?

— К сожалению, нет. Но у нас есть костюмы за шестьдесят, которые выглядят на все сорок пять.

●

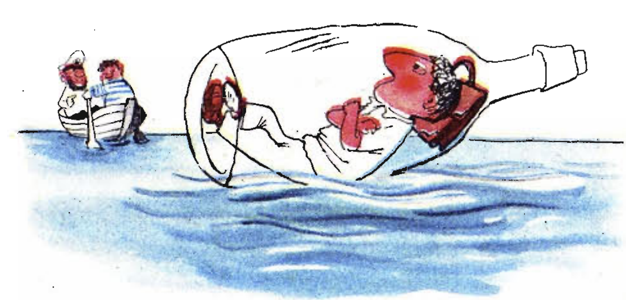
Недовольный клиент обращается к официанту:

— Взгляните на цыпленка, которого вы мне принесли. Кожа да кости!

— А ты что, еще и перьев желаешь?

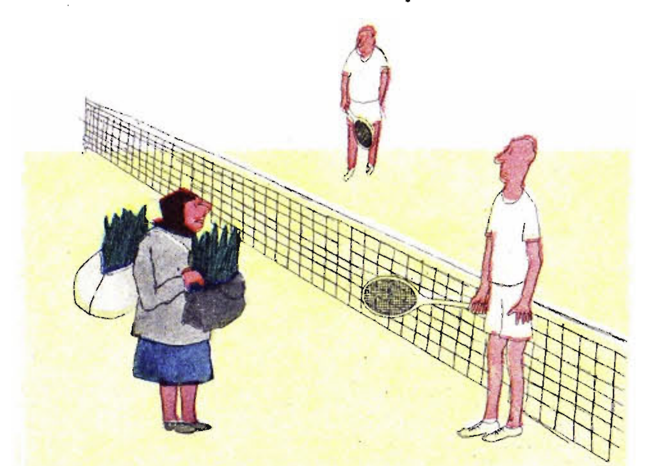
●

КОГДА МЫ ОТДЫХАЕМ

— Это командированный. Израсходовался, теперь домой добирается.

Рисунок А. ГРУНИНА

— Сынок, а где здесь из лука стреляют?

Рисунок Ф. КУРИЦ

Объявление

26 июля 70 г.

Организуется массовый въезд в озеро Касарги."

Прислал В. Соколов, г. Челябинск.

Фото В. Шуйского, г. Судак.

«Эстрада, пожалуй, один из самых «агрессивных» жанров. Она экспортирует себя в различные области и сферы искусства».

«Шуточные песенки сменяются песнями, окрашенными в глубоко лирические тона, точно так же, как меняется освещение на сцене».

«Ансамбль «Дружба» очень много ездит. Приезжает он в очередной концертный зал и выкладывает, как коробейник, свои товары: смотрите, слушайте, удивляйтесь. И действительно, смотрят, выбирают и слушают».

(Из рецензии А. Суздальцева на концерт ансамбля «Дружба»).

Газета «Черноморская здравница», г. Сочи.

«По телевидению

Суббота, 13 июня

11.45. В эфире «Молодость». «А ну-ка, дедушки!»

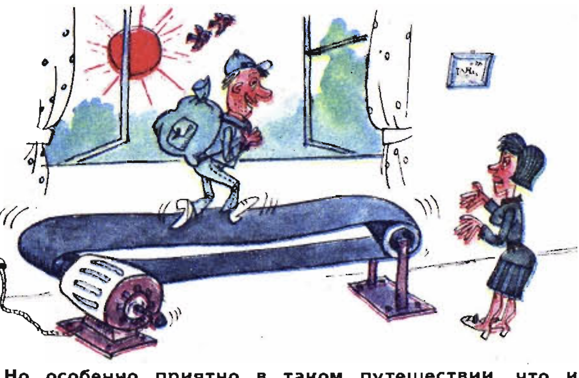
Газета «Советская Вента», г. Вентспилс.

«Начальнику пионерлагеря от рабочей озеленения Коваленко В. В.

Заявление

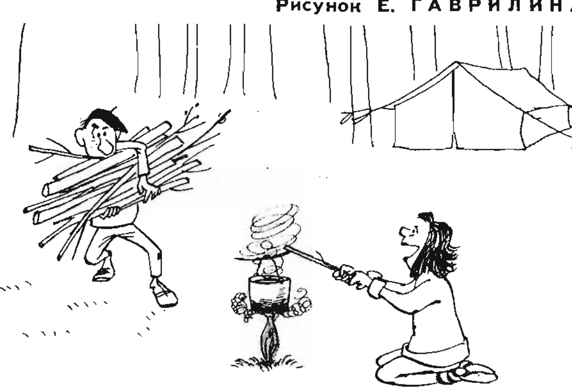
Прошу меня поставить на котловое удовольствие с 17 июня на общих основаниях».

Прислал А. Иванов, г. Новая Каховка.

— Но особенно приятно в таком путешествии, что и спишь в нормальных условиях и ешь по-человечески.

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

— Дров не нужно, мы нашли месторождение газа.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Я с детства знал, что когда-нибудь с шубой придется расстаться...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Владимир Иванович КОРБАН — редактор белорусского сатирического журнала «Вожык»

К шестидесятилетию со дня рождения

Дружеский шарж А. ЧУРКИНА

В. КОРБАН

Горячая вода

Во всей своей кипучей красоте
Вода бурлила на плите,
В кастрюле.
Ворчала, булькала, вздымая жгучий пар:
«Всем покажу сейчас, могу ли
Устроить я пожар!
Чтоб я да не сумела?! Я-то?!
Как брызну на стену — вмиг загорится хата!
Сто градусов — не шутка! Наших знай!..»
И вот, поклокотав еще немного,
Она плеснула через край:
«Пшш! Пшш! Тревога!
Давай сюда пожарников! Беда!»
Но, хоть и пенилась, кипя довольно яро,
Конечно же, Вода
Не сделала пожара,
И, остывая, кипяток
Лишь по плите ручьем протек
Да сверху на пол
Чуть-чуть покапал.

Недельки две иль три назад,
Волнуясь, делал друг мой закадычный
Доклад.
Но, как ни надрывал он голос зычный,
Как ни вскипал, как ни старался,
Ннкто, увы, не загорался:
Текла неведомо куда,
Хоть и горячая, а все-таки вода.

Перевел с белорусского В. КОРЧАГИН.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Аф! Аф! Аф!

Когда мы пошли в первый класс, меня и еще одну девочку поставили друг против дружки и велели назвать себя.

— Ксюша, — сказала я громко.

— Танюша, — сказала та.

И с тех пор мы с ней крепко подружились. Нас даже стали называть неразливашками: вместе в школу и из школы, вместе в зоопарк, вместе озоруем.

Вот, например, Ольга Петровна спросит:

— Ты, девочка, кто?

А я отвечаю:

— Я никто.

Кто — это когда слесарь или дворник. А я никто.

Тогда Ольга Петровна спрашивает Танюшу:

— А ты, девочка, кто?

— Я тоже никто, — отвечает Танюша. — Я просто Ксюшина неразливашка.

Тут и я добавила:

— А я тоже Танюшина неразливашка.

Тогда Ольга Петровна говорит:

— Ну, до свидания, Ксюша и Танюша, неразливашки!

Однажды мы шли по нашему залу. Шли себе и шли. Никого не задевали. Вдруг видим: около стены стоит огромный стол. На нем лежат разные газеты, портфели, журналы, и получается, что стол покрыт разной чепухой сверху донизу. И тут я говорю Танюше:

— Вот хорошо было бы нам сейчас спрятаться!

— А зачем? — спрашивает Танюша.

А я отвечаю:

— А вот зачем: они подумают — никого нет, а мы залаем и всех испугаем.

Я полезла под стол и говорю Танюше:

— Давай залезай сюда!

И Танюша полезла. Вот мы сидим, ничего не говорим. И вдруг видим: целый класс идет. Болтают, смеются, веселые такие. И вот этот класс поравнялся с нами. Слышу, Танюша шепчет мне под столом:

— Ксюша, а Ксюша, можно начинать, а?

Я отвечаю:

— Валяй!

И мы начали лаять. Танюша лает потихонечку, так вежливенько и тоненько:

— Аф! Аф! Аф!

А я погромче и почаще:

— Аф-аф-аф! Аф-аф-аф!

Что тут началось! Малыши испугались, давай плакать, туда-сюда мотаться, а мы с Танюшей — давай не зевай — стараемся. Танюша тонюсеньким голосочком:

— Аф-аф-аф! Аф-аф-аф!

А я потолще, я смелее потому что:

— Афафафаф!

И потом даже немного рычания прибавила:

— Р-р-р-раф-ррррaф!

Малыши к другому концу стола кинулись, а я лаю, как будто собачка даже прыгает и даже вслед бросается:

— Ррр-аф! Ввваф, раф-раф!

Тут и Танюшка сразу вспомнила, как Трезорка умеет хорошо лаять, и давай по-трезорскому:

— Ган-ган-ган... Раф-раф-раф! Аф! Аф!

Я говорю:

— Ну, молодец, Танюшка. Не хуже любой дворняжки подлаиваешь.

И мы так развеселились, что стали выглядывать из-под стола. И вдруг — что я вижу? — сюда идет наш библиотекарь. Он по часам книжки выдает. Идет, ни о чем не думает. А мы из-под стола еще злее и даже как будто с новыми силами, мол, вот мы какие!

— Аф-аф-рррр!

Наш библиотекарь здорово испугался. Он сначала весь побледнел, потом поперхнулся весь и подает команду:

— Из-под стола за мной! Кругом! Налево! В кабинет директора шагом марш!

Так и прогнал нас до самой канцелярии.

Вот дверь. На ней написано «Директор». Ну, мы с Танюшкой вошли.

Директор сидит смирно, никого не трогает. Вроде ему скучно. Тогда наш библиотекарь давай ему объяснять: как мы лаяли и все другое.

Тут директор шевельнулся, как будто ему стало очень интересно, и сказал:

— Полай, Ксюша, полай, пожалуйста.

И Танюше:

— Я вас очень прошу, мне интересно.

Ну, раз директор просит, мы, конечно, хором:

— Аф-аф-аф-аф-аф-аф!

Директор послушал и сказал:

— Ничего страшного, ей-богу!

И повернулся к библиотекарю:

— Нисколько не страшно, один смех.

Потом отер со лба пот и говорит:

— Ну, а теперь, девочки, идите на урок.

Мы с Танюшей повернули налево и пошли спокойно на урок. Мы вошли, и Ольга Петровна сейчас же:

— Кораблева, где ты была?

Я говорю:

— У директора.

Тогда Ольга Петровна спрашивает:

— Кто же тебя туда привел?

Тут Танюша четко, по-военному отвечает:

— Беб-лео-текарь.

Ольга Петровна говорит:

— Биб-лиотекарь.

И Танюша подхватывает:

— Вот-вот, он и привел, библиотекарь этот самый.

Ольга Петровна говорит:

— А за что же он вас привел?

Тогда я говорю:

— А за то, что мы обе лаяли!

Ольга Петровна совсем закачалась:

— Час от часу не легче... Ксения Кораблева, как же вы лаяли?

Я сказала:

— Громко.

Тогда Ольга Петровна говорит:

— Полай, пожалуйста, я тебя очень прошу, Ксенечка.

Ну, я тогда полаяла немножечко.

Ольга Петровна говорит:

— Что-то очень тихо. Нельзя ли чуть погромче?

Я снова:

— Аф-аф-аф!

Ольга Петровна говорит:

— Пожалуйста, еще погромче.

Я тогда еще:

— Аф-аф-аф, аф-аф-аф!

Скучно без Танюши. И тут Танюша мне помогла, и с нами, вижу, весь класс начинает:

— Раф-гна-ан-га-га-аф-аф-аф!

И сама Ольга Петровна здорово так лает и беленькие зубки показывает:

— Аф, аф, рргав!

И все мальчики прямо воют и рычат:

— Раф-ан-га-аф-аф!

А потом Ольга Петровна в дневниках мне и Танюше поставила аккуратненькие тройки по поведению.

Когда нам выдали дневники, мы очень обиделись.

— За что же нам тройку?

А Ольга Петровна погрозила нам пальцем и со значением сказала:

— Аф-аф-аф!

КРОКОДИЛ

№ 23 (1961)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, Г. Андрианов, А. Баженов, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, А. Грунин, В. Жаринов, В. Каневский, Г. и В. Караваевы, Ф. Куриц, В. Тильман, В. Тамаев, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 31/VII 1970 г. А 07879. Подписано к печати 10/VIII 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 300 000 экз. (1 завод: 1 — 3 881 000). Изд. № 1 326. Заказ № 2 166.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗООБОЗРЕНИЕ

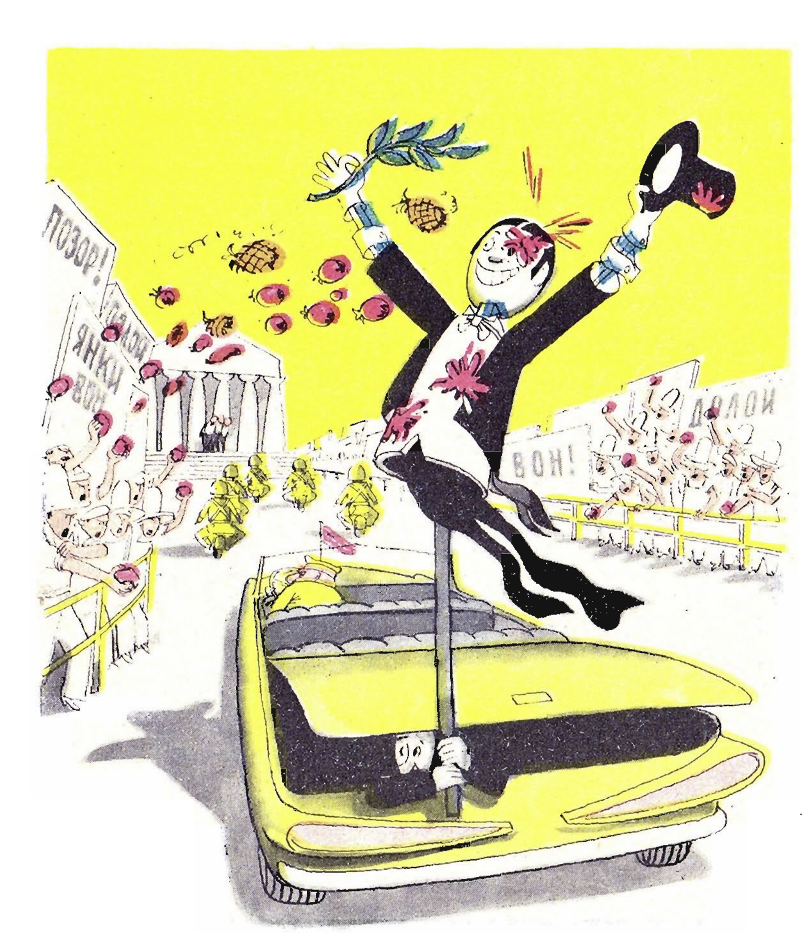
Чтобы поставить диагноз того или другого политического недуга, не обязательно приставлять стетоскоп или термометр к возвышенностям и низменностям планеты. Карикатуристы это успешно делают с помощью кисти и карандаша.

Война во Вьетнаме превратилась в хроническое заболевание Америки. Разрекламированное лекарство — «вьетнамизация» — не сулит исцеления. Просто право получения первой пули в лоб Вашингтон великодушно собирается уступить своим подручным.

Лихорадит Северную Ирландию. Британская буржуазия посылает в Ольстер войска. Лев выступает в роли сторожевого пса. Вместо борьбы с безработицей в Северной Ирландии Лондон борется с ее народом.

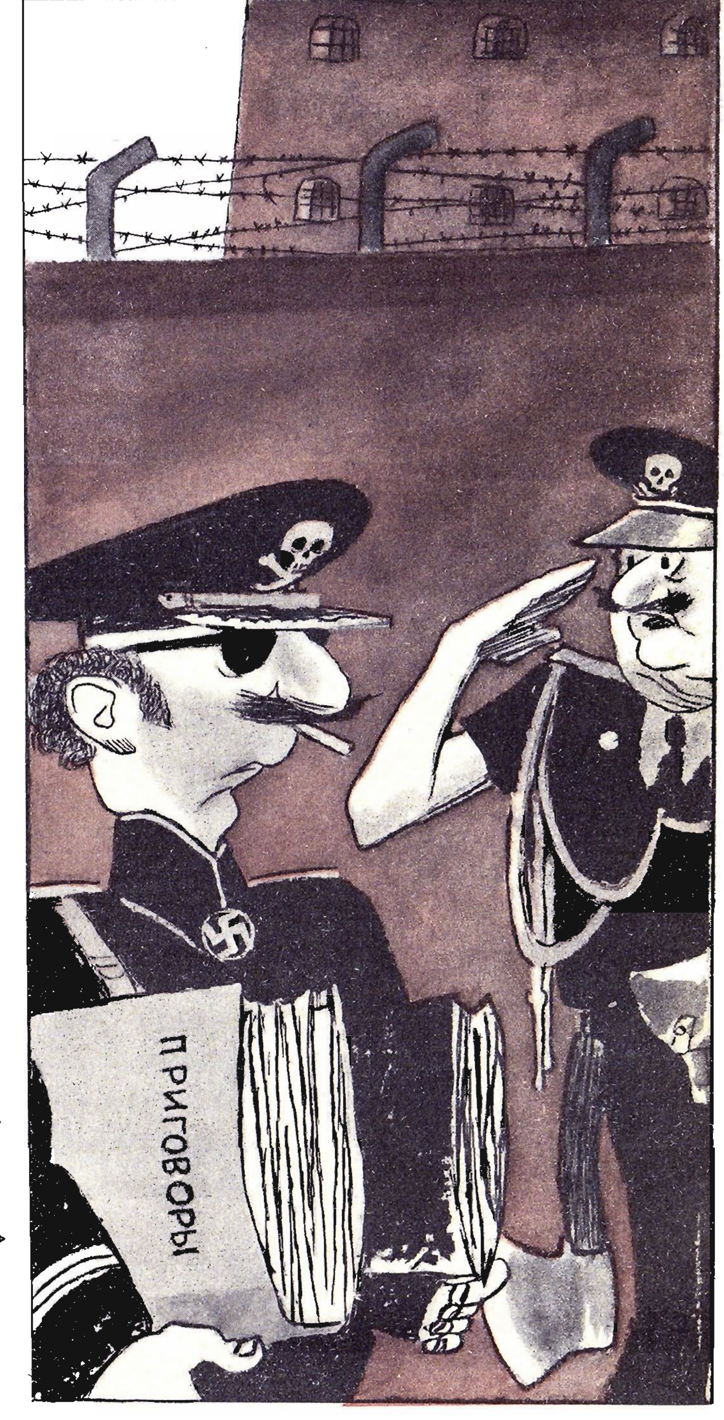
Греческие власти страдают манией преследовать борцов за демократию — заболеванием более опасным, чем мания преследования.

У Вашингтона болит голова от града крупных проблем, а также от града мелких предметов, которыми невежливые латиноамериканцы забрасывают визитеров из Штатов.

Опытный заокеанский визитер

Рисунок **Ю. ЧЕРЕПАНОВА**

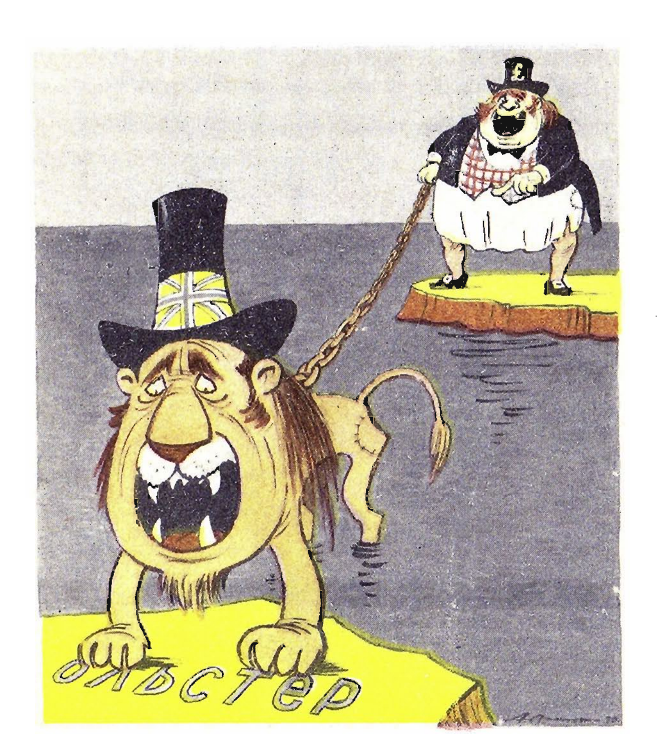

АФИНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

— Господин полковник, тут на три приговора больше, чем подсудимых...

— Сейчас подберем еще троих!

Рисунок **Бориса ЛЕО**

Дама с собачкой

Рисунок **М. АБРАМОВА**

«ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» КАМБОДЖИ

Рисунок **А. БАЖЕНОВА**